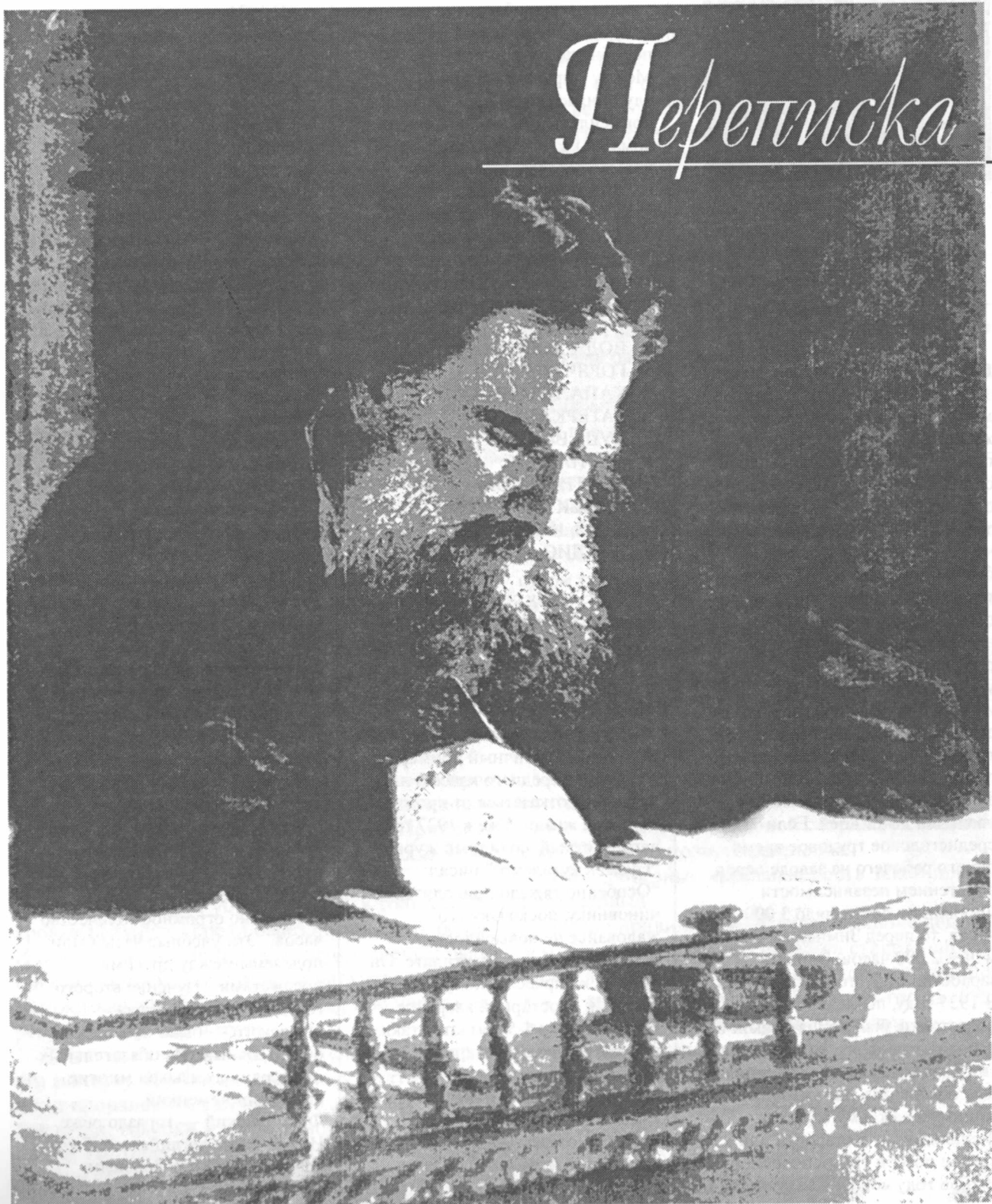

О ФИНЛЯНДИИ ПО-РУССКИ:

- Финский золотой век
- Финский характер
- Финский здравый смысл
- Финский Лев Толстой
- Язычество по-фински
- Лирика по-фински
- Финский юмор

Перетиска

Льва Толстого и Арвида Ярнефельта

*Вступительная статья, подготовка текстов, комментарий
и перевод с финского Э. Карху*

Публикация писательских писем столетней давности, даже если они принадлежат весьма крупным и известным именам, нуждается хотя бы в минимальном культурно-историческом обрамлении и в дополнительных фактах с тем, чтобы письма могли быть верно прочитаны без возникающих темных мест.

С этой целью публикуемым ниже письмам Арвида Ярнефельта и Л.Н.Толстого, написанным в 1895-1910 годы, предпослана вступительная статья и даны краткие комментарии. Кроме того, предлагаются впервые в русском переводе два материала: отрывок из дневника Ярнефельта о его первой личной встрече с Толстым в 1899 году (дневник был им тогда же опубликован в Финляндии) и отклик выдающегося финского поэта, критика и публициста Эйно Лейно на смерть Толстого — ничего более проникновенного по силе мысли и чувства в Финляндии о великом русском гении не написано.

Об Арвиде Ярнефельте и характере его отношений с Толстым

Биография Арвида Ярнефельта (1861-1932) отличается одной особенностью: он был едва ли не единственным финским писателем, у которого имелись столь непосредственные и весьма разветвленные родственные связи с представителями русской культуры, в первую очередь через его мать, русскую женщину, и ее родню. Арвид Ярнефельт и родился в России — в Пулковке под Петербургом, где его отец, финляндский дворянин, офицер русской армии, служил тогда инструктором-преподавателем на курсах по военной топографии, геодезии и астрономии при Пулковской обсерватории.

Ярнефельты принадлежали к дворянскому сословию, что для финских писателей в ту пору было редким исключением, — чаще всего они были детьми крестьян, ре-

месленников, мелких священников. Отец Арвида, Александр Ярнефельт (1833-1896), женился в Петербурге в 1857 году на восемнадцатилетней Елизавете Клодт, дочери своего армейского начальника, генерала и барона Константина Карловича Клодта фон Юргенбурга (женатого на дочери французского эмигранта в России, родившей ему одиннадцать детей, из которых Елизавета была пятым ребенком). Обрусевшие к тому времени Клодты происходили от немецко-шведско-прибалтийских корней, их родословная восходила к XIV веку.

Как и Александр Ярнефельт и его предки, Клодты не принадлежали к земельной аристократии, у них не было поместий и больших состояний, они являлись служилыми дворянами, привыкшими что-то делать сами и ценить труд других. Из рода Клодтов выходили не только военные, но и люди искусства, выдающиеся таланты. Наклонности к ис-

куству обнаружился и у генерала Клодта, отца Елизаветы, он увлекался резьбой по дереву. Его брат, Петр Карлович Клодт (1805-1867), прославился как скульптор (всем известные бронзовые кони на Анничковом мосту в Петербурге). Сын П. К. Клодта, Михаил Петрович Клодт (1835-1914), известен как живописец-жанрист, а брат Елизаветы Ярнефельт, Михаил Константинович Клодт (1832-1902), вошел в историю русской живописи как талантливый пейзажист, профессор Академии художеств; брат Константин и младшая сестра Ольга тоже занимались живописью, часто подолгу гостили летом у родственников в Финляндии, писали этюды. Все это влияло на атмосферу в семье Ярнефельтов. Отчасти именно через Ольгу Клодт, которая тоже вела переписку с Толстым и посылала Ярнефельтам в Финляндию его книги (в том числе запрещенные в России и изданные за рубежом), — отчасти именно через нее толстовским нравственно-этическим вероучением горячо заинтересовались Елизавета Ярнефельт и ее сын Арвид. Оба они, до конца жизни оставшиеся верными этому учению, наталкивались на разного рода препятствия, в том числе внутрисемейные.

Александр Ярнефельт, глава семьи, был по натуре администратором; дослужившись до генерала, он занимал пост губернатора в разных финляндских губерниях, стал сенатором. Одновременно он был приверженцем национальной фенноманской партии, добивавшейся того, чтобы финский язык стал официально признанным административным языком наравне со шведским. В доме Ярнефельтов говорили по-фин-

ски, что для интеллигентских семей тогда было редкостью. Четырех своих сыновей губернатор хотел направить тоже по административной линии. Старший сын Каспар должен был стать банковским служащим, Арвид получил юридическое образование сначала в Хельсинкском, затем в Московском университете и готовился в судьи.

*Семейство Клодтов
со знаменитостями*

Однако под влиянием матери в детях развились совсем другие интересы, они посвятили себя литературе и искусству. Об усложнившихся в этой связи внутрисемейных отношениях Арвид Ярнефельт рассказал впоследствии в мемуарном «Романе моих родителей» (1928-1930), одном из лучших произведений биографического жанра в финской литературе. Центральное место в этом романе занимает любовно выписанный образ матери, Елизаветы Константиновны Ярнефельт (1839-1929).

Она была незаурядная женщина, культурная и начитанная, с добрым

сердцем и живым умом. Оказавшись в Финляндии, Елизавета Ярнефельт довольно быстро освоила финский язык, причем на хорошем литературном уровне, о чем свидетельствует опубликованный в 1994 году том ее писем. Сама она не занималась литературным творчеством, издав лишь составленный ею сборник рассказов для детей. Но на литературе, искусстве, активной духовной жизни были сосредоточены ее интересы в кругу семьи и финских знакомых. Дом Ярнефельтов стал притягательным для студенческой молодежи, в ее собственных детях обнаружилась серьезная тяга к творчеству. Каспар занимался литературной критикой и переводами, Арвид стал писателем, Эрик — художником и профессором живописи, Армас — композитором и дирижером, много лет возглавлявшим оркестр стокгольмской, а затем хельсинкской оперы. Дочь Аино, увлекавшаяся музыкой, вышла замуж за Жана (Янне) Сибелиуса (1865-1957), которому суждено было стать наиболее известным финским композитором у себя на родине и за рубежом; хельсинкская консерватория с некоторых пор именуется «Академией Сибелиуса». Обо всем этом упоминается для того, чтобы сложилось впечатление о масштабе художественных интересов в семьях Клодтов, Ярнефельтов, Сибелиусов, поддерживавших не только родственные связи между собой, но и вносящих вклад в общую культурную атмосферу времени.

В истории финской культуры рубежа XIX-XX веков наблюдается новое явление: представители разных искусств стремились творчески объединиться, даже жить по соседству друг с другом, чтобы чаще встре-

чаться для бесед, слушать только что сочиненную музыку, видеть на мольбертах рождающиеся картины, читать стихи. В тридцати километрах к северу от Хельсинки с конца 1890-х годов возникла своего рода “художническая колония” — на берегу озера Туусула строились не очень богатые, но приспособленные для творчества дома со студиями, рабочими кабинетами, музыкальными инструментами. Там жили художники Пекка Халонен и Эрик (Эро) Ярнефельт, писатель Юхани Ахо с женой-художницей Венни Солдан и поэт Ю.Х. Эркко, композитор Жан Сибелиус и дирижер Роберт Каянус; периодически там находили приют и другие деятели культуры, в частности поэт Эйно Лейно. Аналогичный дом-студию, но к западу от Хельсинки, построил себе художник Аксели Галлен-Каллела. Рубеж веков называют золотым веком финской художественной культуры, это был пик “финского ренессанса”. Упомянутые дома-студии стали национальными музеями, к именам наиболее выдающихся деятелей, творивших в них, принято добавлять эпитет “национальный”, что в финском восприятии является высшим эталоном.

Но впервые тенденция к творческому объединению талантов проявилась еще в 1880-е годы, и тогда к этому была причастна Елизавета Ярнефельт, в чьем доме собирались для встреч и собеседований совсем молодые еще люди, в том числе те, которые потом стали знаменитостями. Сначала это были студенты, друзья Арвида, интересовавшиеся литературой и мечтавшие стать писателями. В 1880-е годы в финской литературе утверждал себя реализм в качестве нового направления. Ориентирами в этом смысле служили норвежская литература с Ибсеном во главе, работы датского критика Георга Брандеса, французский натурализм с романами Золя и эстетикой Ипполита Тэна, а инициатором пробуждения интереса к творчеству крупнейших русских реалистов ста-

ла как раз Елизавета Ярнефельт, их знаток и поклонница. Собирались обычно по субботам, встречи назывались “Школой Ярнефельтов”, практиковались устные переводы отрывков из произведений русской литературы, поскольку старшие сыновья и сама Елизавета могли переводить с русского. И учитывая, что собеседники, будущие писатели, были еще очень молоды,

*Елизавета Константиновна
Ярнефельт*

Елизавету Ярнефельт иногда называют “матерью финской литературы”, что не помешало двадцатилетнему Юхани Ахо влюбиться в нее и до конца жизни сохранить благодарную духовную связь. Несколько позже, когда семья Ярнефельтов переехала в Куопио, с Елизаветой Ярнефельт познакомилась уже более опытная писательница Минна Кант и была от нее в восторге. “Она действительно особенная, — писала Кант в одном из писем. — Я восхищаюсь ею, уважаю ее и люблю от всего сердца. Она человек, а этого, помилуй Бог, о многих еще не скажешь”.

В свою очередь, Елизавета Ярнефельт в письмах многократно подчеркивала, что в людях она ценила и уважала не чины и богатство, а есте-

ственность и простоту, нравственную чистоту и человечность отношений. Из своих детей и их сверстников она хотела воспитать “людей идеи”, живущих богатой духовной жизнью, постоянно совершенствующих себя, правдоискателей, чутких к болям общества и к страданиям других людей.

Ее молодые собеседники, посвятившие себя литературе, вскоре образовали группу “младофиннов”, противостоявших консервативным “старофиннам”, стали выпускать сначала провинциальные, а затем и общезинские газеты. Журналистикой занимался и Арвид Ярнефельт. В частности, в 1886 году он опубликовал свои “Письма из России”, в которых описал бедственное положение безземельного русского крестьянства, глубокую социальную дифференциацию русского общества и в связи с этим совершенно оправданную социальную направленность русской литературы.

Следует сказать, что до 1880-х годов финны знакомились с русской литературой чаще всего окольными путями — через французские, немецкие, шведские переводы и критические обзоры. На рубеже XIX–XX веков участились прямые связи, и свою лепту в это внесли Елизавета Ярнефельт и ее семья, особенно Арвид. Как переводчик он отдавал предпочтение Толстому, причем переводил не только его религиозно-этические сочинения, которые тоже ценил высоко и перечитывал как настольные книги, но и художественные произведения. Ярнефельт перевел на финский язык “Воскресение” (1900), “Детство, отрочество, юность” (1904), “Хаджи-Мурат” (1912), ряд нравоучительно-проповеднических сочинений Толстого.

Толстой — художник, мыслитель, проповедник — стал для Ярнефельта главным выразителем не только российских, но и общемировых и общечеловеческих болей и бед, в том числе финских, о которых Ярнефельту хотелось как можно подробнее рассказать великому учите-

*Молодая семья:
Елизавета и Александр
Ярнефельты*

лю — в письмах, при личных встречах, через свои книги. Важно учесть, что Ярнефельт отнюдь не был в тогдашней Финляндии одинок в своем преклонении перед авторитетом Толстого. Финский исследователь А. Ноккала опубликовал в 1958 году объемистую книгу “Толстовство в Финляндии”, в которой показал широкий и пристрастный интерес к Толстому со стороны разных общественных кругов. Ему не только поклонялись, но и предостерегающе осуждали за его расшатывание режима, а впоследствии, в начале 1920-х годов, поэт и критик В.А. Коскениemi утверждал, что это Толстой подвел Россию к большевистской революции (нечто подобное доводится слышать сегодня и от некоторых наших знатоков социальных революций).

Арвид Ярнефельт пережил революционный кризис 1917-1918 годов — сначала в России, затем в Финляндии — чрезвычайно остро. Ведь он тоже был выразителем социального возмущения в своей стране, защитником безземельных торпарей, затрагивавшим эту тему во многих своих романах и написавшим воззвание “Земля принадлежит

всем!” (1907). Летом 1917 года, в разгар мировой войны, после февральской революции в России, предчувствуя, что и в Финляндии дело может дойти до вооруженной борьбы, Ярнефельт по собственной инициативе, самовольно, без санкции духовенства и властей, выступил несколько раз в хельсинкских церквях с антимилитаристскими речами и призывами к социальному разуму, за что был арестован, предан суду и приговорен к трехмесячному тюремному заключению.

Как выразитель социального протеста угнетенных масс и обличитель политического неразумия властей Ярнефельт имел основание ожидать домашнего обыска и ареста — по этой причине он спрятал и ответные письма Толстого в подвале своего деревенского дома, где они против ожидания погибли от сырости.

Поворот к толстовству у Ярнефельта произошел в начале 1890-х годов. К тому времени он закончил юридическое образование, получил степень магистра права, перед ним открывалась многообещающая карьера, говорили о том, что ему будет предоставлено место в финляндском стат-секретариате в Петербурге. Но, прослужив немного в губернском суде, Ярнефельт подал в отставку и решительно переменял весь образ жизни. Он занялся сначала сапожным, затем кузнечным ремеслом, поселился в сельском доме, крестьянствовал, увлекся пчеловодством и снабжал медом семью и родственников, одновременно писал. После романа “Отечество” (1893), который Э.Лейно считал лучшим его произведением, вышла книга-исповедь “Мое пробуждение” (1894) — открытое и безоговорочное присоединение к толстовскому вероучению. После этого публичного шага, преодолев при поддержке матери свою робость перед великим авторитетом и зная, сколько к Толстому приходит людей и писем из разных стран, Ярнефельт решил написать в начале февраля 1895 года свое первое письмо к нему и просил о встрече.

Сначала Ярнефельт познакомился при не совсем обычных обстоятельствах с известным толстовцем В.Г. Чертковым, с которым еще до этого повстречалась в одну из своих поездок в Петербург Елизавета Ярнефельт. В письме к Арвиду от 20 февраля 1896 года из Петербурга она сообщила, что была с сестрой Ольгой в гостях у четы Чертковых, что они очень понравились ей, расспрашивали об Арвиде и советовали ему не откладывать поездку к Толстому. В марте 1897 года Чертков вместе с некоторыми другими толстовцами был выслан властями из России за границу. В Петербург проститься с ними приехал Толстой, и тогда у Черткова возникла мысль срочно пригласить в Петербург Арвида Ярнефельта из Финляндии для встречи с Толстым и его последователями. Отправили две телеграммы, но доставка обеих запоздала, Ярнефельт приехал в Петербург уже после отъезда Толстого, а Черткова он застал на вокзале перед отправкой

*Айно Сибелиус,
сестра Арвида Ярнефельта
и жена Яна Сибелиуса*

его поезда, и тогда Ярнефельт поехал с ним вместе до немецкой границы, чтобы иметь возможность обо всем поговорить. Они стали близкими друзьями, обращались друг к другу на “ты”, еще не раз встречались.

Первая встреча Ярнефельта с Толстым состоялась в апреле 1899 года в Москве. Она была вызвана не только желанием личного общения с Толстым, но и политическими обстоятельствами. В феврале 1899 года царским правительством был издан особый манифест, сильно ограничивавший автономию Финляндии и нацеленный на практическую ликвидацию ее. Сопротивление демократических сил в самой Финляндии необходимо было подкрепить поддержкой выдающихся представителей мировой общественности, организовывались массовые адреса протеста. Собирались подписи крупных ученых, писателей, общественных деятелей. С этой целью хотели заручиться и публичной поддержкой Толстого.

В Москву к Толстому в 1899 году с поручениями отправились двое — Георг Фрасер и Арвид Ярнефельт, первый от шведской либеральной партии, второй от блокировавшихся с нею “младофиннов”. Поездка Ярнефельта была организована таким образом, что сначала он вместе с дочерью Лизой, сыном Эро и братом Эриком, художником, съездил в Крым для отдыха и знакомства с южными областями России (а Эрика крымское побережье интересовало еще и как живописца). На обратном пути в условленное с Толстым время все вместе посетили его. Это было началом их личного знакомства.

Оба, Фрасер и Ярнефельт, опубликовали свои дневники о посещении Толстого; Ярнефельт сумел

сделать это под своим именем в Финляндии на финском языке, а Фрасер — анонимно на шведском в Швеции, откуда запрещенные в Финляндии издания доставлялись тайно. Приводимый ниже отрывок из дневника Ярнефельта дает представление, о чем шел разговор. Толстому хотелось подробнее узнать о положении финского крестьянства. Второй злободневной темой был финский патриотизм. Для сопоставляющихся финнов он представлялся

*Семья Ярнефельтов
и Сибелиусов*

вроде бы вполне естественным, но Толстой относился к патриотизму как таковому весьма настороженно, считая, что он легко ведет к ненависти и розни, к военно-политическому ажиотажу. Толстой призывал к гражданскому неповиновению, к личному неучастию каждого в подлых делах правителей, и это согласовывалось с движением “пассивного сопротивления” в Финляндии. Но опять-таки сопротивляться следовало не во имя государства, отечества, политической партии, а в силу высшего нравственного принципа равенства всех людей независимо от страны, национальности, сословия и

т. д. Когда финский журнал “Валвоя” в 1908 году обратился к Толстому с просьбой высказаться по финляндскому вопросу, он ответил через Ярнефельта, что не может исполнить их желания, поскольку люди были близки ему не потому, “что они, по странному заблуждению, считают себя подданными такого или иного правительства и привыкли говорить на том или ином языке, а потому, насколько мы соединены с ними одним и тем же пониманием жизни и взаимной любовью, вытекающей из такого понимания”.

Второй раз Ярнефельт посетил Толстого в марте 1910 года. По некоторым фактам и общему тону их переписки можно заключить, что отношения между ними сложились очень доверительные. Исследователи указывают на два эпизода, когда Толстой обращался к Ярнефельту с просьбами весьма деликатного свойства. В письме от

17 июля 1898 года Толстой загодя просит Ярнефельта о “большой помощи”, добавляя, что он единственный из посторонних людей, кто будет знать суть дела, — имелся в виду задуманный Толстым уход из Ясной Поляны, который, однако, тогда не состоялся. В ответном письме от 2 августа Ярнефельт кратко сообщил, что готов оказать услугу, и на всякий случай указал свой точный адрес. Второй эпизод касался намерения Шведской академии выдвинуть Толстого на Нобелевскую премию, о чем до него дошли слухи и от чего он хотел благовременно предупредительно отказаться. Сообщить об этом Шведской академии Толстой в письме от 25 сентября 1906 года просит Ярнефельта через посредников, что тот и делает, известив об этом Толстого в ответном письме

(без даты, но на почтовом штемпеле указано: 5 сентября 1906 года).

Хотя общественно-политические события развивались совсем в ином направлении, Арвид Ярнефельт, как

и его мать Елизавета Константиновна, до конца жизни не утратили веры в моральные истины толстовского учения. Они были убеждены в том, что за кровавой пеленой жесто-

кой реальности, с ее войнами и революциями, течет другая, духовная жизнь, очищающая людские души.

Теперь пора читать письма.

Всего их двадцать девять, из них восемнадцать

написал Ярнефельт, одиннадцать Толстой. Письма Толстого

печатаются на основе Полного (юбилейного) собрания его сочинений (сокращ. ПСС), тт. 1 — 91, М., 1928-

1964 гг. (Репринт 1992 г.). Частично использованы комментарии к письмам этого издания. Письма Ярнефельта воспроизводятся по хранящимся в Музее Л.Н. Толстого в Москве копиям и черновикам, поскольку полученные Ярнефельтом автографы не сохранились. Отметим, что девять писем Толстого Ярнефельт включил в русское издание своей книги "Мое пробуждение" (М., 1921), давно ставшей библиографической редкостью. В ту пору финская фамилия Ярнефельта писалась по-русски Ернефельт — так подписывался он сам, а Толстой в письмах употреблял также форму Эрнефельт. Но особой путаницы здесь не возникает.

Уместна еще одна оговорка. Ярнефельт писал Толстому по-русски, иногда сам переводил для него отрывки из своих книг и статей, и они понимали друг друга. Но при этом следует все-таки иметь в виду, что русский язык не был для Ярнефельта основным литературным языком. В его русских письмах встречаются иногда языковые шероховатости, в принципе они не изменяют смысла, и только в очень редких случаях в публикуемых текстах, когда это кажется необходимым, сделаны кое-какие поправки.

Письма Ярнефельта и Толстого печатаются в хронологическом порядке и соответственно пронумерованы. Вместе они образуют эпистолярный писательский диалог о жгучих проблемах времени — не только минувшего, но во многом и наших дней. Ведь вопросы совести, человечности отношений между людьми, преодоления насилия вечны и не теряют актуальности. Еще Э. Лейно в статье к 75-летию Толстого подчеркнул, что проблемы, выдвигаемые им, исходили не только из рамок его времени, но "из самого сердца человечества" и потому всегда сопутствуют ему. И в этом, по убеждению

Лейно, заключается непреходящее общечеловеческое, мировое значение наследия Толстого.

1. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Гельсингфорс. 2 февраля 1895 г.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Посылаю вам две книги, из которых одна — написанная мною на финском языке — "Heräämiseni", а другая — шведский перевод ее — "Mitt uppvaknande". Но так как Вам и шведский язык, вероятно, незнаком, то мы с матерью общими силами перевели одну главу на русский язык, и хотя чувствуем, что перевод этот неудачен, мы все-таки надеемся, что вы его прочтете.

Если же вы заинтересуетесь, то мы переведем вам всю книгу и, может быть, тогда будет случай издать ее на русском языке¹.

Значение заглавия книги — мое пробуждение, значение 1-й главы — мое отношение к Богу в молодости, 2-й главы — мое отношение к людям в молодости, 3-й — оба отношения меняются, 4-й

— новое учение (то есть учение о нормальности в половой жизни), 5-й — возбуждение любви к народу, 6-й — я создаю образ самого себя, каким желаю быть в представлении товарищей и народа, 7-й — моя жизнь переходит в будущность, 8-й — одурманивание делается для меня потребностью, 9-й — двойственность в моем существовании доходит до крайности, 10-й — посещение родительского дома, 11-й — последнее мое решение, 12-й — "Anden af Kristi lärä" (то есть шведский перевод вашей книги: "Краткое изложение Евангелия"), 13-й — рождение нового отношения к Богу, 14-й — любовь, 15-й — почему я не вступил в должность судьи, 16-й — равенство, 17-й — будущность и 18-й — вера.

¹Сноски см. в конце статьи, стр. 57

Книга эта произвела много шума в Финляндии, и ваше имя стало у нас опять на устах всего читающего народа², так как все видят, что в книге моей дух ваш, и я только повторяю, что уже давно сказано было Вами. А я, правда, и не могу и даже не стремлюсь высказать ничего нового и самостоятельного.

Три года тому назад мне довелось прочесть шведский перевод вашей книги "Краткое изложение Евангелия", и этот ваш труд, как и все прочие ваши произведения, которые я читал и все еще читаю, открыли мне тот свет, которым я теперь живу и всегда буду жить. За это я вас люблю всей душою и никогда не разлюблю.

Арвид Эрнефельт.

2. ТОЛСТОЙ — ЯРНЕФЕЛЬТУ

1895 г. Февраля 1. Москва.

Письмо, полученное от вас, доставило мне большую радость. Я получил и ваши книги и благодарю вас за них, но, к сожалению, не мог прочесть их, о чем истинно сожалею, так как, судя по той главе, кот[орую] вы перевели, и по названию глав, книга ваша должна быть не только интересна, но и значительна.

В России, я думаю, что книга эта не будет допущена цензурой, но если бы мы имели перевод ее, мы бы поместили его в издающемся у нас рукописном журнале³.

Желаю вам неперестающего движения вперед на том пути, на который вы вступили. Желаю этого вам, п[отому] ч[то] радость жизни на пути Христовом приобретает только неустанным движением вперед, стремлением к бесконечному совершенствованию и вследствие того всё большим и большим осуществлением в этой жизни учения Христа, т. е. установлением царства бога.

Очень рад общению с вами и буду еще более рад, если буду в состоянии чем-нибудь служить вам.

Любящий вас Лев Толстой.

3. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Лахти, Финляндия. 10/22 мая 1895г.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Я уже давно получил от вас ответ на мое письмо и посылку к вам.

Вы пишете, что поместили бы перевод моей книги, если б его имели, в издающемся у вас рукописном журнале. Перевод этот наконец готов и уже послан вам.

Очень бы мне хотелось узнать ваше мнение насчет моей книги, и в особенности в чем вы находите ее неудовлетворительною.

Благодарю вас от всей души за слова, сказанные мне, что "радость жизни на пути Христовом приобретает неустанным движением вперед" и т. д. Эти слова стали мне очень дороги.

Много было бы у меня по этому поводу о чем спросить и в чем посоветоваться с вами. Но когда вы прочтете мою книгу, вы может быть будете знать, что мне посоветовать, а потому я и потревожу вас только тогда моими вопросами.

Любящий вас Арвид Эрнефельт.

Адрес мой до 15-го сентября: Финляндия, Lahtis, Sukaniemi, Arvid Jarnefelt.

4. ТОЛСТОЙ — ЯРНЕФЕЛЬТУ

1895 г. Декабря 22. Москва.

Дорогой Арвид Эрнефельт, я очень виноват перед вами. Перевод ваш я получил и передал его друзьям моим. Многие читали вашу книгу и получили от нее пользу и радость. В наш Архив мы еще не поместили ее. Номера постараюсь прислать вам; пишу: постараюсь, п[отому] ч[то] не знаю, есть ли готовые. Пожалуйста же, простите меня за то, что не известил вас о получении вашей рукописи. Сделалось это по разным причинам, но только не по той, чтобы я не ценил вас и не дорожил общением с вами. В книге вашей есть драгоценные черты правдивости и серьезности, и потому она действует на людей.

Как идет теперь ваша жизнь? Напишите мне. Увидаться же с вами я буду очень рад, только не советовал бы вам предпринимать стоящее время и денег путешествие нарочно в Москву. Коли бог велит, и так свидимся, а нет, то переговоримся письмами. Если что знаю и сумею сказать, подробно отвечу на ваши вопросы.

Любящий вас Л. Толстой.

5. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Гельсингфорс. 1 января (н.с.) 1896 г.

Дорогой Лев Николаевич!

Весною я Вам послал перевод моей книги "Мое пробуждение". Так как ответа на письмо, посланное мною, я тогда не получил, то прошу вас, если только вам позволит время, известить меня, был ли этот перевод помещен в издающемся у вас рукописном журнале. Хотелось бы мне также узнать, есть ли возможность получить этот журнал и каким образом. Прошу вас уведомить меня еще о том, могу ли я и где Вас увидеть, чтобы посоветоваться в одном очень важном для меня и для многих вопросе.

Любящий вас Арвид Эрнефельт.

6. ТОЛСТОЙ — ЯРНЕФЕЛЬТУ

1898 г. Июля 17. Я[сная] П[оляна]

Хотя мы и никогда не виделись, мы знаем и любим друг друга, и потому я смело обращаюсь к вам с просьбой оказать мне большую [помощь]. Дело⁴, которое [я имею к вам], должно [остаться никому не известным], кроме вас, [и по]этому никому не говорите и про это письмо, а ответьте мне (Моск. Кур. дор., ст. Козловка), где вы теперь и готовы ли помочь мне?

Пишу так кратко, потому что мало надеюсь, чтобы при недостаточном адресе письмо дошло до вас.

Лев Толстой.

(Письмо написано на небольшом клочке почтовой бумаги, поврежденной от сырости. Некоторые слова, отсутствующие в автографе, восстановлены со слов А. Ярнефельта. Впервые опубликовано в книге: "Дневник Льва Николаевича Толстого", I, М. 1916, стр. 152 (ПСС, т. 71, стр. 410).

7. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

2 августа (н.с.) 1898 г.

Дорогой Лев Николаевич!

Мы из Гельсингфорса переехали и живем вот уже третий год в деревне около полустанка Виркбю по Гангэнской железной дороге. У этого полустанка нет настоящей почтовой конторы и потому заказные письма должны адресоваться на ближайшую станцию вместе с маркой <слово вырезано>, не заказные же дойдут скорее по адресату: Гангэнская ж.д. Виркбю (или по нашему: Hangobanan, Virkby-vexel, A. Jarnefelt). Но если забудете этот адрес, то письмо я получу, наверное, и через Гельсингфорс. Конечно, я очень рад служить вам Любящий вас

Арвид Ернефельт.

8. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Лойо, Виркбю, Финляндия. 14 декабря 1898 г.

Дорогой Лев Николаевич!

Из письма от вас к Ольге Константиновне вижу, что вы интересовались, что я теперь пишу⁵. Она, кажется, не отвечала еще вам, но я так радуюсь, что вы интересуетесь мной, что не могу сам не ответить вам.

К моменту получения вашего письма я закончил книгу о плотском и духовном рождении Иисуса Христа, то есть о значении того факта, что Иисус был сын неизвестного отца, и о его духовном рождении от про-

поведи Иоанна Крестителя. Я показываю, что все четыре Евангелия начинаются рассказом об этом пере рождении, значит, и в начале [Евангелия] св. Иоанна говорится о том же. Там "Слово" — тот Дух, который по прочим Евангелиям пришел к Иисусу, то есть слышавшийся Иисусу голос (Слово) Бога, сознание сыновности к Богу.

Искушения в пустыне сводятся к тому, что вопрос идет о царстве небесном и возможности установления его на земле сейчас же.

Первое искушение: можно ли человеку, не дожидаясь других, одному стать жить на земле, признавая владыкой только Бога, и не помереть с голоду.

Второе искушение: можно ли человеку сейчас же высказать всю ту истину, которую он знает, и не бояться гонителей, то есть можно ли ему не охранять себя [сознавать себя свободным].

Третье искушение: можно ли человеку отказаться от всех прежних, видных и дающих ему силу заманок, [от] его работы и отдаться невидимой воле Бога, которую можно исполнить только в теперешности (сейчас же), и результаты которой никогда не могут сделаться человеку известными.

Все эти искушения упомянуты так же в притче о сеятеле и семенах, как она объяснена в 13:19-23 у Матфея.

Поразительно, что и тут сказано, что искушения эти следуют за слушанием слова о царствии небесном.

Книга эта не имела никакого успеха. Во-первых, никто не желал издавать ее, а во-вторых, когда она появилась моим изданием, то в главной газете нашей ее сочли очень дурной книгой и никому не советовали читать. Она, говорят, оскорбляет наше "протестантское сознание". Ну, это все не мое дело.

После этой книги я написал драму, уже давно задуманную, об одной исторической личности Финляндии — Самуэле Крёеле — верившем в возможность посредством законного преследования добиться правды против угнетения народа дворянством. На сцене описана его борьба против чиновников. Кончает он тем, что его заключают в крепость, в которой он просиживает несколько лет, дожидая рассмотрения его дела. Ничто не улучшилось. Напротив, чиновники только сделали еще свирепее. Выхода наконец из тюрьмы, он "объясняет своей жене-аристократке, которая еще не перестала ждать его триумфа и возвышения в дворянское сословие, что он перестал верить в правосудие и никого больше не будет преследовать. Жена оставляет его. Разговоры эти подслушивает начальник крепости, самый жестокий его неприятель и угнетатель крестьян. Он является и говорит: — вижу, что ты можешь многое простить, но можешь ли простить самому худшему — мне?

Тогда они обнимаются. Самуэль Крёель говорит:

— Да здравствует моя первая победа! и тут конец.

В этой драме 4 действия, и я только что послал ее директору театра. Жду успеха и значительную материальную выгоду, как мне это ни стыдно вам сказать.

Теперь хочу опять заняться строгой работой. Буду продолжать начатое изложение св. учения, несмотря на критику.

Я — очень не цельный человек. Верю, что не надо заботиться о завтрашнем дне и что, значит, можно сейчас же вступить в царство Бога; и все-таки мои поступки служат доказательством того, что я не верю, а пишу драмы и при писании в самом деле чувствую нечистоту своих мотивов. Но до сих пор это как-то прощалось, и я, влагая в эту работу искренность, чувствовал некоторое примирение, так что чувствовал себя очень веселым и отдыхал, и мне было легко.

Хочу не впадать теперь в искушение, в которое втягиваюсь критикой и публикой, советующей мне писать исключительно беллетристические вещи, и буду считать работу по таким мотивам, если еще буду писать, падением. Итак, я с радостью хочу вернуться к моей тяжелой и строгой работе, которая не будет иметь ни похвалы, ни материальной выгоды, но которая, я думаю, единственно полезна людям и воспитывает меня самого.

Как я радовался, что вы имели какое-то дело ко мне, и даже думал, что вы хотите приехать к нам.

Очень бы мне хотелось знать, как вы теперь живете и чувствуете.

Люблю вас по-прежнему безгранично.

Арвид Эрнефельт.

9. ТОЛСТОЙ — ЯРНЕФЕЛЬТУ

1898 г. Декабря 16. Москва.

Дорогой Арвид.

Благодарю вас за то, что вы написали мне о себе. Всё это мне очень интересно. Хотя я и не читал вашу книгу о плотском и духовном рождении Иисуса, я думаю, что книги такого рода: религиозные размышления, приуроченные к Священному Писанию, мало полезны. Я думаю, что время, когда такие книги имели значение, прошло и что теперь нужно писать книги (если уж писать религиозные книги), проникнутые духом Христова учения, независимо от текста Писания, опираясь не на Писание, а на разум и любовь, свойства, общие всем людям. Содержание вашей драмы нравится мне, но не вижу внутренней связи между обращением началь[ика] крепости и его отречения от нас[илия]. Впрочем, это, вероятно, ясно в самой драме. Во всяком случае желаю ей успеха, и даже успеха ма-

териального, кот[орый] для вас, вероятно, не нужен для роскоши, а для свободы от нужды, и которым вы воспользуетесь, вероятно, только в этой мере.

Если увижусь с вами когда, чего желаю очень, то расскажу вам, какой я ждал от вас помощи. Теперь соблазн, кот[орый] заставлял меня искать этой помощи, миновал. Всё это последнее время, полгода, я занят очень содействием духоборам в их переселении в Канаду и исправлением и расширением повести, кот[орую] я отдал в печать для этой цели⁶. Если проживу еще, хочется написать многое, но стараюсь жить настоящим, вечным, готовясь к переходу в другую форму жизни, стараясь в этой делать волю пославшего.

Получил два письма О[льги] К[онстантиновны]⁷. Передайте ей мой при[вет]. Пишите мне изредка.

Любящий вас Л. Толстой.

10. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Гельсингфорс. 7 апреля (н. ст.) 1899 г.

Дорогой Лев Николаевич!

Некоторые молодые финляндцы хотят, чтобы я съездил к вам для того, чтобы узнать ваше мнение по поводу предстоящего уничтожения самостоятельности или конституции Финляндии. Я очень сомневался ехать, потому что ведь ясно, что, по-вашему, угнетение ни в каком случае не может быть одобрительным. Но очевидно, что нужно узнать не только ваше мнение по поводу самого угнетения — хотя, конечно, известие о том, что вы думаете в этом вопросе, бесспорно принесло бы большую пользу, — но, главное, нужен ваш совет, как нам поступать. И так как мой брат едет в Крым и предложил мне ехать с ним, я решил ехать и посылаю это письмо для предварительного извещения вас о наших обстоятельствах.

Патриотизм финляндский сделался известным. Но мне кажется, что он во многом расходится с тулонским патриотизмом. Это потому, что все его значение до сих пор было в сближении друг с другом разных общественных классов внутри Финляндии. И еще не было надобности пользоваться этим совершающимся единением так, чтобы возбуждать народное самолюбие и двинуть эту силу против внешнего врага. Потому патриотизм в наших устах звучит совершенно иначе, чем во Франции и Германии.

В Финляндии в 70-х и 80-х годах очень сильно двинулось вперед народное образование, литература, художество, просвещение всевозможное. Вдруг стало как бы светлее и теплее. Начало этому было идеальное пробуждение в образованном классе общества. Я не говорю, что образованные и богатые люди вдруг вздумали создать финскую нацию и создали. Но среди этих

людей вдруг ни с того ни с сего пробудилось действительное желание сблизиться с народом. Это желание пробудилось вовсе не потому, чтобы людям этим уяснилась какая-нибудь польза от такого поступка или, еще меньше, какая-нибудь положительная перспектива, а только потому, что была ясно и сильно высказана идея о том, что значение цивилизованного класса состоит в том, чтобы слиться с народом. Идея эта высказана была Снельманом (Snellman), лицом, очень почитаемым финляндцами. Вдруг всё оживилось; пренебрегаемый финский язык вдруг полюбили. Шведы начали учиться по-фински, писать и говорить по-фински, и язык этот вдруг был найден красивым и богатым выражениями. Правда, что наше правительство сперва осталось чуждым к этому движению, но, несмотря на это, повсюду появились финские школы, содержавшиеся частными средствами и наполненные крестьянскими сыновьями. Народная литература, народный театр — всё у нас началось в это удивительное время возрождения. Если б я мог одним словом описать характер этого поворота так, как я сам чувствовал в то время и теперь еще его вспоминаю, то назвал бы его весною. Вдруг начинает снег таять, листья раскрываются, не понимая сознательно цели, весь народ наполняется радостью жизни. Ведь не может же быть, чтобы ложь была в основе такой радости, но надо думать, что она, если не вся, то отчасти, есть последствие исполнения закона Божьего. И нельзя не видеть, что исполнение этого закона именно и совершалось в попытках цивилизованного класса приблизиться к крестьянскому мужику, так как тут вопрос был о самопожертвовании, готовности отказаться от материальной выгоды и забвении личной будущности. Но продолжением и последствием этого духовного возрождения был сильный материальный прогресс, который всё увеличивался до последнего времени в течение 20-25 лет. Можно сказать, что в это время народный финский элемент влился в те самостоятельные и сравнительно свободные политические формы, которые были ему сохранены шведской культурой, перешедшей к нам. Конечно, началась сейчас же работа для преобразования этих форм в более жизненные, но эта работа ставилась более программой партии и не касается существенного вопроса. Главное, что собственный духовный рост, соединенный с исполнением закона божьего, в это же время материального прогресса остановился. Заботились теперь о завоёвании мест в правительстве "феноманами", заботились об основании огромных банков, но идея о сближении высшего класса с низшим, которая всё породила, забылась или мы остались думать, что пришли уже достаточно близко к мужику.

В это время духовной реакции и материального расцветания застало нас внимание с русской стороны.

Самого дня я хорошо не помню, но это было очень недавно, во время появления известного манифеста о конгрессе для всеобщего уменьшения войск⁸. Как раз в это время в Финляндии был поспешно созван экстренный сейм для рассмотрения законопроекта об увеличении военного трибута в Финляндии до того уровня, который существует в Империи. Кроме того требуется полное уничтожение всех привилегий финляндских войск, состоящих между прочим в том, что они должны были воспитываться в Финляндии и их нельзя в мирное время переселять за границы Финляндии. Срок службы увеличивается до пяти годов (у нас он был трехгодовой), резерв уничтожается и число активных войск назначается в четыре раза больше прежнего числа.

Общая военная повинность была в Финляндии введена русской инициативой в 70-х годах. Проект был тогда построен на очень умеренных основах, как по отношению к количеству активных и резервных войск, так и по отношению к самому устройству военной службы. Кроме того, допущен был явный оттенок национальной обособленности финляндского военного дела. Сперва был даже мундир особенный, и назначению о том, что финляндские войска не могут быть в мирное время отправлены за границы Финляндии, а в другое время только для оборонительной войны, был придан характер так называемого основного или конституционного закона, не могущего быть измененным иначе, как полным согласием между сеймом и императором. Очень может быть, что этим над нами подтрунивали и что нашлись люди, которых захватило чувство национальной гордости при представлении себе национальной войска. Но сейм и вообще финский народ, с понятиями которого идея военной повинности не сходит, с большим трудом и только после сильной внутренней борьбы согласились. Потому очень понятно, что теперь, когда тяжесть военной повинности увеличивается и войско будет определяться за границы Финляндии, в сейме идет еще сильнее борьба о том, где граница между кесаревым и божьим, и что все ожидают, что сейм не согласится. Но во время этого ожидания появляется 6/18 февраля новый манифест, по которому все законы, имеющие, кроме интереса специального для Финляндии, еще интерес общегосударственный, будут разрешаться, независимо от финляндского сейма, русскими властями. Понятно, что под такое назначение подойдут не только вопросы о финляндских законах, но и все финансовые, таможенные, почтовые вопросы так, как вообще всё политическое законодательство. А в этом законодательстве и состоит конституция Финляндии или так называемая автономия ее. Все попытки нашего сената, председателей сейма и наконец всенародной депутации добиться

авторитетного объяснения о смысле этого манифеста остались без всякого результата. Никого не приняли в Петербурге.

С первого начала у нас борются друг с другом два различные мнения о том, как следует поступать: осторожно ли, политично, имея в виду вероятные последствия, или поступать верно, не думая о последствиях, веря в то, что верное само по себе будет иметь хорошие последствия. Первое берет на себя очень большое ответствение, второе требует очень много храбрости и самопожертвования.

Всем нам в последнее время выяснилось, что настоящая храбрость не состоит в зажигании и в горении (это дело маленькой спички), но в том, чтобы твердо решить не зажигать и не гореть, и все-таки не уступать в правде. И это испытание сил представляется более каждому отдельно, чем массам. Вопрос о том, как поступить, все более и более переходит от разных корпораций к каждому отдельно.

Еще я должен упомянуть о некоторых обстоятельствах, которые освещают настоящий статус-кво у нас.

1) В самом разгаре этого политического вопроса у нас разгорается внутренний рабочий вопрос, т. е. требование городских, фабричных и ремесленных рабочих к участию в политических правах (право голосования, выбора и т. д.), а также и стремление их к единению между собою для достижения большей силы и достижения лучших рабочих плат посредством стачек. Социалистические идеи для финского рабочего представляются чем-то совершенно новым, и их всех захватил великий энтузиазм. Верят они у нас, как и везде, в возможность посредством парламентаризма и законодательства заставить высший класс отречься от своих привилегий. Вместо энтузиазма высший класс встретил это движение с известным огорчением. И разница между этим и тем движением, которое описано в начале моего письма, в том, что теперь вопрос как бы о войне между двумя классами общества, а тогда был вопрос о добровольном желании высшего класса сближиться с низшим.

2) Между торпарями и прочими безземельными деревенскими рабочими распространился и, кажется, нарочно распространяется слух о том, что в России земля раздается поровну между всеми крестьянами и что вот Россия теперь хочет и в Финляндии уничтожить частную собственность на землю и разделить ее между всеми поровну. За такие выгоды часть этого бедного населения готова отдать все конституции. Об этом недоразумении не надо больше распространяться, оно понятно. Но, конечно, и тут рождается больше огорчения между людьми, чем желания к соединению.

3) Пробуждается, в особенности в молодежи, мысль о новом сближении с народом, которое теперь

думают совершить посредством усиленной работы над народным образованием. Собираются огромные деньги для образования акционерного общества, действие которого будет свободное. Акционерами будет весь народ. Студенты во время летних каникул будут обучать тех мужчин, которые иначе не пользовались бы никакими льготами в воинской повинности. Кроме того, будут постоянные учителя для обучения детей самого бедного населения. Пожертвования (денежные) уже начались и по-видимому достигнут очень значительную меру.

При всем этом энтузиазме мотив, который теперь побуждает к образованию народа, не тот, который раньше побуждал к сближению с народом. Тогда делалось все бессознательно, от пробудившейся любви к народному языку, народным обычаям и прямо к идее о возможности стусевать разницу между цивилизованным классом и народом. А теперь поднимается сознательная агитация для образования торпаров и безземельных. В этой сознательности есть, в особенности что касается молодежи, много и бессознательного восторга, например, в их решении заботиться о том, чтобы ни один мужчина не должен по причине недостатка знаний служить более двух лет. Может быть, в общем настроении начинается что-то вроде тулонского патриотизма [ультрапатриотизма]. Но тут-то и надо услышать ваше слово, которое нам разъяснит путь правды и путь неправды. Просим, чтобы вы еще раз высказались о патриотизме, отчасти потому, что ваши книги о патриотизме тут недоступны, а отчасти и потому, что нам всё кажется, что в нашем патриотизме есть что-то, что нельзя выбросить вместе с негодным. Если так, то в чем состоит годное и в чем негодное?

Очень извиняюсь, что я не успел переписать это письмо и посылаю вам черновую.

Когда приедем в Москву, мы принесем вам еще несколько документов, объясняющих политическое положение Финляндии. А потом можно будет и документы, и это письмо послать в Англию для Бирюкова или Буранже⁹, потому что они просили известий о Финляндии.

Несказуемо надеюсь и радуюсь увидеть вас.

Любящий вас Арвид.

11. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Москва. 31 марта 1899 г.

Дорогой Лев Николаевич!

Приехавши сегодня в Москву, я услышал, что ваша жена нездорова, и потому я боюсь беспокоить.

Надеюсь, что по возвращении из Крыма через 10 дней будет возможно увидеть вас, и прошу написать

мне в гостиницу "Петергоф", № 50, в какое время дня вы принимаете и будете ли тогда в Москве.

Я останусь тут до завтрашнего вечера.

Любящий вас Арвид.

12. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Лоио, Виркбю, 22 апреля (ст.ст.) 1899 г.

Дорогой Лев Николаевич.

Благодарю вас и всех ваших за то время, в которое я был в вашем доме. В особенности еще благодарю вас за все то, что вы сказали по поводу наших несчастных финляндских дел. Когда я в памяти собрал все, что вы сказали, то вышло больше, чем я думал, и все было удивительно цельно, хотя оно и было сказано в разное время и отрывками. В брошюре, которая, вероятно, проникнет во все места Финляндии, я хочу написать о том, что вы сказали. Начало этой книги¹⁰ уже печатается. Сперва описывается то впечатление, которое на меня произвело путешествие по России, от Петербурга до Севастополя, — это с целью показать, что тот, кто желает губить Финляндию, есть тот же, кто губит русский народ, и что у нас есть в России друзей больше, чем мы думаем. Потом рассказываю, что я писал вам о настоящем положении Финляндии и что вы сказали о патриотизме. Рассказываю о сравнении вашем Финляндии с человеком, сидящим у окна подвала и защищающим это окно от запирающего его: законность защиты в особенности в том, что окно дает свет не только ему одному, сидящему у самого окна, но и сидящим в темноте подвала.

Рассказываю, что вы расспрашивали очень тщательно о земельных условиях Финляндии и заговорили о теории Генри Джорджа¹¹ (которую я по этому поводу тут же и реферирую). Упоминаю о разговоре вашем с молоканами, с доктором (о крейцеровой сонате), со студентом и другими, о стачках, о значении пассивного сопротивления и в особенности его значении теперь для Финляндии, и наконец, ваши слова: "все — в христианском учении. Оно разрешает все трудности".

Думаю, что от всего, что вы сказали, будет большая польза и польза для Финляндии.

Теперь я прочитал в первый раз вашу книгу "Христианское учение" и благодарю вас за нее. В ней нет гипноза красноречия и отсутствует всякая умышленная заманчивость выражений, но разум и любовь так независимо от внешней чувствительности захватывают душу, что невозможно не почувствовать, что это — призыв Бога. Буду читать эту книгу всегда.

Мне было трудно обратным путем из Крыма проехать через Москву и не увидеть вас больше.

Любящий вас Арвид Эрнефельт.

13. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Лойе, Виркбю. Финляндия 22 января (н. с.) 1900 г.

Дорогой Лев Николаевич!

Посылаю вам перевод моей драмы, о которой я раньше вам писал и говорил. Участвуя в переводе, который сделали мать, Ольга Константиновна и еще один родственник, я совершенно переделал эту драму, так что она на русском языке — совсем другое, чем было раньше. Мне кажется, теперь лучше. Если вы прочтаете, чем вы меня очень обяжете, то, пожалуй, когда-нибудь найдете время написать мне, как она вам нравится. Думаете ли вы, что можно поставить эту драму на сцене в Москве и, если можно, то как мне надо поступить, чтобы это устроить?

Но вам, пожалуй, будет некогда отвечать на это, так скажите Ольге Константиновне Толстой¹², она напишет, а может быть, возьмется передать эту рукопись какому-нибудь театру в Москве. О гонораре — не могу еще от этого отказаться — директор театра может сам написать мне. Очень может быть, что цензура не дозволит постановки этой пьесы, но, может быть, придется только кое-что вычеркнуть. Драма переведена уже на шведский язык и будет даваться в Стокгольме и Гётеборге, но печататься нигде не будет раньше, чем через 2 года.

Теперь я хочу написать другую драму об исторической борьбе крестьян в Кексгольмской губернии против господ, взявших у них землю на основании закона, написанного в тайной от крестьян комиссии. Интерес этой драмы составляет для меня выставление различных партий и личностей между этими крестьянами, из которых некоторые хотят бороться оружием, другие законом, а третьи непотворением. Это — не что иное, как настоящий status quo Финляндии. В нашем финском народе, т. е. между настоящими крестьянами, этот вопрос о противлении и непотворении — старинный, жизненный вопрос, который всегда был неразрывно связан с религией. Но из господ никто этого не понимает. Хотя надо сказать, что и у народа непотворение понимается, как "непонятная", хотя и обязательная заповедь Божия, но не как понятное последствие закона любви, и потому часто сбивались и сбиваются с пути истины к ложной покорности или к борьбе, как исключение из непонятного правила.

Не знаете, как мы радуемся, что ваше здоровье опять поправилось, а то в одно время уже боялись потерять вас. Радостно также и то, что вы дописали до конца ваш роман, который, наверное, требовал от вас большого напряжения сил, т. к. все время надо было торопиться. Если мне приходится торопиться, то я страшно теряю силы, и потому у меня есть правило,

что если начинаю торопиться, то тут наверно что-то не так, не то делаю. Но я хорошо понимаю, что вы торопитесь из-за любви к духоборам, а я, чтобы своевременно заплатить векселя, и потому не сопоставляю себя с вами, только говорю, что потеря сил должна быть та же. Извините, если я что-нибудь глупое написал.

На днях наш генерал-губернатор запретил продолжение моего перевода этого романа¹³, так как я перевел по чертковскому изданию. Мы застряли еще раньше 3-й части.

Я хотел еще сообщить вам, что у нас недели 3 тому назад умерла маленькая дочь и мы похоронили ее недалеко от своего дома, где начинается лес, за садом, похоронили без участия духовенства и без всякой внешней торжественности. Сделали мы это сообща с женой и потому считаю победой. Дети устраивали яму вместе со мною, и им так это нравилось, что они даже пели от беззаботной радости, собирая ель в лесу, закопали, как маленькую птичку, и после этого в них и в нас нет никакого страха перед могилой и — странно — как будто страх перед самой смертью уменьшился.

Поступок этот сблизил нас всех между собою, но попал, конечно, в сильное столкновение с суеверием. <...>

В бирюковской газете я прочитал ваше письмо Д.Х., которому не нравилось понятие или слово совершенствования, вы отвечаете, что совершенствование все равно, что возбуждать в других и в себе любовь. Это так, но мне кажется, что нарочно никто не может возбуждать любовь ни в себе, ни в других, но всегда можно совершенствоваться, т. е. идти к истине, к Богу, а это — по закону Божию — всегда возбуждает взаимную любовь, так что возможно и должно проверять себя, именно, узнавая, возбуждает ли поступок во мне любовь к людям или нет.

Любящий вас Арвид Эрнефельт.

14. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Виркбю. Финляндия. 21 июня (н. с.) 1900г.

Дорогой Лев Николаевич!

Теперь роман ваш "Воскресение" вышел на финском языке даже в двух переводах и все издание разошлось у обоих издателей. Две первые части в моем переводе вышли из печати без всяких изменений по чертковскому изданию и только, когда уже печаталась третья часть, цензор, по повелению Бобривкова, вмешался в дело и вычеркнул несколько мест, в которых православие называлось суеверием. Но финское издание "Воскресения" во всяком случае гораздо менее цензуровано, нежели то, которое появилось в "Ниве". Этот роман, я думаю, принесет и в Финляндии огромную

пользу, хотя люди тут имеют ту несправедливую отговорку, что порядки, описанные в вашем романе, возможны только в России. Представив себе, что водка и табак не существуют в наших тюрьмах, они распространяют это несоответствие и на все прочее. Но это только известные либералы.

С радостью узнаю в газетах, что у вас готовится книга о "Новой форме рабства". Каждый раз, когда я узнавал про ваши новые произведения, мне приходила мысль, что именно об этом-то и надо было писать. Обличать этот странный, дьявольски проведенный обман необходимости современного рабства, из которого не знаешь, как выпутаться, это как раз и теперь представляется мне самым важным делом настоящего времени. Радость мою умаляет только упрек совести в том, что я сам отклонялся от этого дела и как будто перестал двигаться вперед по сути к равенству между людьми. Вы наверно опять поможете и мне и всем дорогим несчастным друзьям ясно увидеть свет истины и усиленно стремиться к ней.

Прошу вашего согласия на то, чтобы переводить этот ваш труд, когда он появится в печати¹⁴.

Как бы мне хотелось, чтобы вы успели увидеть, что наш финский народ очень способен понимать расширенное и разъясненное вами христианское учение. Идея пассивного сопротивления, к которой вы указывали нас во время нашего пребывания в вашем доме, все более и более распространяется в Финляндии и разгоняет ненависть. С этим пересылаю вам весенний теплый ветерок, который с запахом березового листа освежающе дует в мое открытое окно.

Любящий Вас Арвид Эрнефельт.

15. ТОЛСТОЙ — ЯРНЕФЕЛЬТУ

1900 г. Июня 20. Я[сна] П[оляна]

Дорогой Арвид,

Очень рад был получить ваше письмо. То, что вы пишете, что чувствуете, как будто *перестали двигаться вперед по пути равенства с людьми*, испытываю и я в последнее время. Утешаюсь тем, что эта остановка мучает меня не меньше, чем прежде. Это я испытал особенно сильно в последнее время; последствием этого и была статья о рабстве. Я все поправлял ее и только теперь думаю, что кончил, но не посылаю еще Черткову. Вы от него возьмите ее для перевода. У него есть еще статья: *патриотизм и правительство*, к[ото]рая] тоже, мож[ет] б[ы]ть], пригодится вам. — Еще утешаюсь тем в своей остановке — вероятно с вами тоже — что, стремясь к приведению своей жизни в согласие с своей верой, выдвигаешь сначала одну сторону — и большей частью самую легкую и видную —

внешнюю форму жизни и оставляешь в прежнем положении, а иногда и ослабляешь, укорачиваешь другие — иногда более важные, как доброжелательство к людям, смирение и др.; и потом, заметив эту неравномерность, останавливаешься в начатом и стараешься соответственно с этим выравнять и отставшее. Так было со мною. Так, я думаю, и с вами.

Иногда бывали и просто остановки от слабости и гадости, но бывало и так. Если внутри зажжен настоящий огонь, он не может потухнуть.

Получил я хорошее письмо от Ольги Конст[антиновны] и хотел ответить ей, но не нашел её адреса; если будете писать ей, скажите, что люблю ее и радуюсь на её душевную твердость.

Процайте. Любящий вас Л. Толстой.

Брату вашему мой привет. К вам придет, вероятно, мой друг и ваш, хотя вы его не знаете, англичанин St. John, бывший капитан английс[кой] службы, оставивший по убеждению военную службу, провожавший духоборов на Кипр и в Канаду и живший с ними. Он хочет видеть учебные заведения в Финляндии, помогите ему в том, что ему может понадобиться. Вы рады будете узнать его.

16. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Виркбю. Финляндия. 14 марта (н.с.) 1902г.

Дорогой Лев Николаевич!

Я давно вам не писал. Прочитывая ваши дорогие письма ко мне, опять очень захотелось вступить в личное общение с вами. Главным образом хочется дать вам знать, что я не перестал жить тою жизнью, которую вы во мне пробудили, и что другую жизнь признаю все менее и менее.

Потом давно уже хочется благодарить вас за ваш труд "Христианское учение". Много важного появилось от вас после него, но я имею очень часто дело с этой книгой и потому она у меня более всего прочего на памяти. Труд этот оказался прекрасным учебником для детей. Каждый из них отлично понимает то, что в ней сказано, и она затрагивает жизнь детей часто с неожиданной для меня силой. Без этой книги было бы очень трудно справляться, так как было бы необходимо делить свою энергию между обучением и приведением в систему самого учения. Теперь же можно всецело отдаться одному обучению — и не раздражаться.

Недавно также прочел снова "Что такое искусство", и не поверите, сколько оно опять мне помогло. У меня непрерывающаяся борьба с материальными соображениями в деле искусства, и бывают времена, когда я как

будто сбиваюсь с пути, заблуждаюсь. Это очень утомительно, и тем более чувствую благодарность к вам.

Когда перечитываешь вашу книгу об искусстве, она каждый раз поворачивает меня и указывает истинный путь. Страшное, убивающее дело это — добывать определенное количество денег своими произведениями. "Но кажется, так надо".

Только что получил от В. Черткова начало вашей статьи о религии и всей душой почувствовал не то, что-нибудь новое, а старое, излюбленное, но показанное теперь с совершенно новой, неожиданной стороны. Как верно это, что с каждой живой религией неразрывно связано представление о равенстве, и как понятна делается причина извращения каждой религии!

Хотя знаю, что в продолжении ничего лучшего нельзя выразить, все-таки жду с нетерпением. Я думаю, что многое из этой статьи можно будет удобно соединить с некоторыми местами в "Христианском учении", в особенности то, что сказано о внушении. Это — прелесть!

Наши дела финляндские все в том же положении. Только мне кажется, что пассивное сопротивление начинает терять доверие в интеллигенции. Это потому, что невозможно свободно обсуждать вопрос, и народ оставлен один. В то же время политики не перестают заманивать к повиновению и, с другой стороны, разные поэты и "молодежь" начинают воспевать войну, то есть активное сопротивление.

Недавно получил от моего издателя характерное письмо, в котором говорится, что моя публика в настоящее время уменьшилась. Только надо помнить, что "моя публика" — это часть читающей интеллигенции. Народ же еще крепко держится пассивности и храбро сопротивляется против высочайших повелений. Так, например, более половины всех общин, хотя угрожаемые огромными штрафами со стороны губернаторов, еще не согласились выбрать нужных членов в призывные комитеты и тем сильно помешали делам правительства. Хотя молодежь и не признает пассивного противления с точки зрения христианства, но все же готовится к такому же противлению со своей точки зрения национального самосохранения. Готовятся абсолютно отказаться от военной службы по новому, не принятому сеймом, русскому военному закону. Как они, бедные, выдержат меры правительства против них, и будут ли устойчивы до конца — все это неизвестно.

Но мне кажется, что их поступок во всяком случае возбудит настоящую веру в невозможность военного дела вообще.

Сообщаю вам очень радостное известие о том, что в настоящий год один мой знакомый решил отказаться

от военной службы, и он это наверно сделает. Долго у него были глаза какие-то круглые и лицо испуганное, но после того, как он окончательно решил, он самый веселый человек в мире. И он готов на всевозможные гонения по настоящему побуждению любви к истине. Имя его Н. Савандер. Он любит вас и просит передать вам свой привет.

Также шлю сердечный привет вам от матери. Ольга же Константиновна в настоящее время находится не у нас, а у Суровцева, в своем старом месте в русской деревне.

Недавно я в первый раз сознательно почувствовал нежелание жить, и в то же время желание жить для исполнения не моей воли. Я очень живо вспомнил о вас, и думаю, что вы всегда так чувствуете.

От Чертковых мы узнали, что вам опять лучше, и очень радуемся этим известием. Страшно остаться без вас, из-за мира страшно. Но я и не верю, что вы скоро уйдете.

Зная, сколько вам приходится отвечать на письма каждый день, я освобождаю вас и не буду ждать от вас ответа. Я буду довольствоваться тем общением, которое чувствовал, когда писал вам. Вы — всегда у меня.

О Савандере напишу вам, как только минует день призыва. Это будет, я думаю, в мае. Наше собственное правительство решило предложить, чтобы в тех обществах, которые отказались выбрать членов в призывные комитеты, эти члены были бы назначены правительством. Если так будет, то призыв совершится в обыкновенное время, т. е. в мае.

Любящий вас Арвид Эрнефельт.

17. ТОЛСТОЙ — ЯРНЕФЕЛЬТУ

14 марта 1902. Гаспра. Крым.

Хотя я еще лежу и не могу писать, милый Арвид, не хочу оставить вашего письма без ответа. Как хорошо que vous perseverez¹⁵. Претерпевший до конца спасен будет. Как часто мы губим хорошее дело именно тем, что отчаиваемся в середине, а часто и в конце его.

Особенно это хорошо у вас, в вашем материально трудном положении, хотя, собственно, самые трудные и сложные материальные условия *ничего*, ровно ничего не весят в сравнении с требованиями духовной жизни для того, кто живет ею.

Как бы хорошо было, если бы наши финляндцы перенесли средства борьбы из патриотических интересов в общие, вечные. Не отказывались бы от военной службы в известных условиях, а совсем, как от дела противного не только христианству, но и самой нетребовательной совести. Отказы от военной службы все

чаще и чаще повторяются, как распускающиеся в разных местах почки весной, Я так и умру с уверенностью, что "близко, при дверях" изменение всего существующего строя от лжи и насилия к разуму и любви не только в Финляндии или России, но во всем христианском мире. Вы, верно, знаете про отказы во Франции и Болгарии.

Рад был узнать про Ольгу Константиновну¹⁶. Я хотел несколько раз ей отвечать, но не знал ее адреса. Хотелось бы знать, как ей живется. Передайте ей мою любовь. Прощайте, пишите хоть изредка.

Искренне любящий вас Лев Толстой.

Очень благодарю вас за ваш портрет¹⁷.

18. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Лойо, Виркбю, Финляндия. 12 июля 1902 г.

Дорогой Лев Николаевич!

Очень благодарю вас за ваше последнее письмо, которое вы писали еще больным. Теперь к великой радости узнаем, что вы почти совсем выздоровели и хотите переехать опять в Ясную Поляну. Это очень радостно.

Я обещал дать вам знать о делах Савандера, который теперь исполнил свое намерение и отказался от воинской повинности. Еще полгода тому назад нельзя было предвидеть того общего отказа по патриотическим побуждениям, который теперь осуществился. В общем можно сказать, что отказались 70% из всех призванных. Никакие угрозы, ничто не помогло со стороны правительства. И странно сказать: по всему видно, что ничего не будет отказавшимся за их отказ. После того, как финский суд в тех местностях, где дело было до него доведено, оправдал подсудимых, было приказано прокурорам не поднимать впредь судебного <пре>следования против отказавшихся. По-видимому, не будет никакого наказания. Но что касается дела Савандера — то тут нет основы для оправдания со стороны суда, и он наверно был бы присудим, если бы не вот что случилось. Председатели призывной комиссии наконец, после многих усилий разобрав содержание савандерского письма о его побуждениях к отказу, бросили его письмо на столе и решили записать его вместе с теми, которые отсутствовали по политическим причинам.

— Это что же? — говорит один. — Ведь это ничто иное, как духоборство!

— Глупости какие!

А третий прибавляет:

— Не мешало бы вам побыть в России!

И кажется, от жалости записали его в неверную категорию.

Савандер с тем и удалился.

Как странно теперь видеть, что ведь была же возможность остаться ненаказанным, хотя мы с ним раньше не могли видеть такой возможности и он готовился к страданиям.

Еще надо сказать о том радостном явлении, что во многих местах, где подавались письменные заявления о причинах отказа принять участие в заседаниях комиссии или со стороны обществ выбирать общинных членов, были выставлены не исключительно патриотические соображения, но были прямо изложены жестокость и несообразность воинского дела вообще с требованиями гуманности.

Тут — да и все это движение, несмотря на преобладающий еще патриотический оттенок — следствие толчка, данного вами. И не может уже это дело остановиться в Финляндии, но будет все очищаться и возрастать.

Письмо Савандера, прочитанное секретарем вслух в заседании комиссии, было следующего содержания:

"Призывной комиссии Экенесского округа.

По поводу того, что я призван к военной службе, имею призывной комиссии сим объявить мое непоколебимое решение ни в каком случае не поступать в какую бы то ни было военную службу.

По следующим причинам я не могу считать призыв этот для себя обязательным.

1) Военная служба потребует от меня присягу. Но всякое присягание в самом резком противоречии с моей совестью, потому что присяга содержит обещание известных поступков в будущем — совесть же велит оставаться свободным для исполнения воли Божией.

2) В службе этой от меня будет требовать отдачи чести людям по различным ступеням чина каждого из них. Но и это противоречит моей совести, по которой я должен считать всех людей равными братьями, и единственное, чему я должен дать особенную почесть, — это Бог невидимый.

3) В службе военной от меня потребуют упражнения в употреблении убийственных орудий для цели убийства моих ближних. Но ближние — это мои братья, сотворенные такими же, как и я сам. Потому я должен стараться быть им примером в добрых делах. Так как же мне согласиться убивать их же или упражняться в этом? В этом отказе от убийства моя совесть едина с прямой заповедью Бога.

Потому, и так как ни в коем случае не могу изменить свое убеждение, я решительно отказываюсь от военной службы, а также и от предстоящего осмотра.

С уважением Нестор Савандер.

Лойо. 31 мая 1902г."

Прощайте, дорогой Лев Николаевич. Буду и впредь писать.

Любящий вас Арвид Эрнефельт.

19. ТОЛСТОЙ — ЯРНЕФЕЛЬТУ

1902 г. Июля 15/28. Ясная Поляна.

Спасибо вам, дорогой Арвид, за ваше радостное письмо. Отказы от военной службы все чаще и чаще повторяются. На днях узнал, что в Москве сидит в тюрьме 279 чел[овек] солдат за высказанное ими решение не стрелять в своих братьев. Как много нужно времени и усилий для того, чтобы люди поняли, что то, что они давно знают, они знают для того, чтобы поступать сообразно с тем, что они знают. Здоровье мое поправляется. Но это поправление напоминает мне лампу, в к[оторую] подлили масла в то время, когда уже начинает светать и быть видно и без лампы. Братски целую вас.

Лев Толстой.

Передай мою любовь Савандеру и вашему брату.

20. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

26 октября 1904 г. Виркбю.

Дорогой Лев Николаевич!

Благодарю вас за то, что вы вспоминаете меня. Господин O.Starck передал мне ваш любезный поклон и слова ваши: "Единственное спасение в религиозном чувстве в человеке, и надо пробуждать и распространять это чувство". Я это сознаю очень живо, и радуюсь, и горюю, — радуюсь оттого, что знаю, — горюю оттого, что не исполняю. Также от Ольги Константиновны я слышал, что вы вспоминаете обо мне, и был очень тронут.

Нынче я окончил перевод на финский язык вашей книги "Детство. Отрочество. Юность". Хочу потом перевести "Войну и мир" или сперва "Анну Каренину". В этих книгах очень, очень много хорошего. Вы, должно быть, сами забыли. Настоящих ваших книг, т. е. религиозных, мы еще не можем печатать в Финляндии, но, пожалуй, времена когда-нибудь переменятся.

В одном журнале "Valvoja" я поместил статью о том, что вы думаете о воспитании, т. е. собрал, главным образом, по чертковским изданиям сущность того, что вы высказывали в разные времена об этом предмете, и эта статья повсюду вызвала симпатичные отзывы со стороны откровенных людей.

Я чуть-чуть опять к вам не приехал. Наши политические оппозиционисты, конституционисты, люди пассивного сопротивления, "молодые финны и шведы" (которые теперь в союзе), — все посылают меня к вам с просьбою, чтобы вы высказались насчет финляндского вопроса. На мои возражения, что вы вряд ли будете писать в пользу какой бы то ни было политичес-

кой партии, они отвечают новыми настоятельными просьбами ехать к вам.

Правда, что финский вопрос представляет из себя много материала для обнажения того, как остро — чуть ли не в продолжении трех лет — правительство в состоянии развратить целый народ, всё перепортить со своими жандармами и шпионами.

Представьте себе народ, который всю свою жизнь жил в том воображении, что закон — конституционное правило о том, что нельзя никого арестовать без предыдущего судебного исследования, что нельзя также никого отлучать от его службы без законного обвинения и следствия, и что в частный дом без позволения хозяев никто не имеет право войти, тем более делать обыски. Представьте себе, что такое конституционное правило вошло в кости и кровь народа, — об этом многие русские, как я замечал, не имеют живого понятия, должно быть потому, что это простое человеческое чувство очень долго у них было задавлено. Русским кажется смешным такое правило, что закон выше всего. Оно несомненно и заключает в себе противоречие, потому что кто же будет блюсти за исполнением закона теми, кто сильнее всех? Но основа возможности конституционного ограждения личной свободы заключается в том, что народ сознательно не повинуетя безграничной власти и повинуетя только такому властителю, который торжественно отказался от безграничной власти. Идеал будет всегда: совсем не повиноваться людской власти. Но так же, как есть степени на пути к идеалу для отдельного человека, так есть степени и для народа. И потому неповиновение безграничной власти, т. е. повиновение только соблюдающему конституцию властителю, как степень стоит выше полного повиновения безграничной власти. Так вот, я говорю, что есть народы, как например, английский, шведский, и между прочим и финский, у которых так долго существовала эта "Magna carta", что правило личной свободы уже не считается даже правом, а просто условием признания над собою людской власти. И вдруг вторгаются в такую страну бобриковы, оболенские, кайгородовы, мясоедовы¹⁸, чтобы, дескать, "привести финляндские дела в порядок". Известно понятие порядка этих людей. Шпионы рассылаются по всей стране, чтобы внушить народу ложную надежду о том, будто русское правительство распорядится о наделе земли безземельным. В то же время раздаются деньги — от 10 до 100 марок — за шпионские доносы и показания против тех, которые действуют в пользу отказа от воинской повинности. Обещанием земли можно бедного крестьянина довести до какого поступка угодно, потому что земля им почти так же нужна, как воздух. И потому русское правительство в этом страшном деле имело успех. Жандармы в то же самое время соверша-

ли обыски, входили в дома, отпирали ящики, открывали письма, изгоняли из Финляндии лучших людей. Вы это все знаете, я не буду повторять. Главное, эти штуки наделали в очень короткое время столько вреда, так развратили вдруг весь народ, что слов недостает описать. Просто не узнаешь прежних мужиков: вражда, ненависть, недоверие, подозрение.

Русским, может быть, представляется вопрос, отчето же, в самом деле, не наделить безземельных финнов землю посредством русского принуждения? Но это совершенно невозможно. Во-первых, невозможно Бобрикову или Оболенскому потому, что они и в своей стране ничего подобного не сумели сделать. Но кроме того, Финляндия в этом отношении стоит впереди не только России, но даже многих передовых по равномерному распределению земли наций. В Финляндии еще в большей степени, чем в Швеции, сохранился такой порядок, что земля в руках самостоятельных мелких крестьянских землевладельцев, имеющих по среднему счету десятин 30-50 пахотной земли. Местами, где владения вдвое или втрое больше среднего уровня, развились "торпари", т. е. арендаторы у крестьянских хозяйств, но также и по всем господским имениям, казенным и духовным усадьбам. Вот эти-то называются у нас безземельными, потому что не владеют, а только арендуют землю, и в последние десятилетия их положение в самом деле почему-то всё ухудшалось. Конечно, можно и надо упрекать финляндцев в том, что они не устроили это свое дело, и я знаю, что вы, Лев Николаевич, именно этого и требуете от нас. Но как-то странно решать вопрос, зависящий исключительно от самопожертвований высших классов, в то время, когда чужая нагайка бьет по спине. Жертвование, отдача прав может произойти только при свободной воле, а уж никак не под нагайкой казаков. Земельный вопрос, т. е. решение его, замедлилось у нас именно от вмешательства русского правительства. Правда, сидят комиссии, печатают отзывы, исследуют историческую сторону вопроса, вырабатывают статистические очерки, считают, калькулируют, но нет того живого, восторженного духа жертвования, который был раньше русского вторжения и который составляет единственное условие результатности каждого движения на пути к социальному равенству. А нет этого духа оттого, что русское правительство систематически и не переставая разжигает в низших классах ненависть к высшим классам. Никогда и нигде я еще не видал столько зла и вреда от правительства, как теперь наделало это русское вмешательство. Всё испорчено и разбито до такой степени, что трудно себе представить, что еще когда-нибудь составитя целость. И это замечается не только в разрушении внешнего порядка и строя жизни, но еще больше в умах, в психическом состоянии людей: как

бы потеряна основа, не за что зацепиться, вес спутано, раздроблено.

Когда я приезжаю в Гельсингфорс, то мне каждый раз бросается в глаза, что между всеми движущимися людьми только жандармы движутся с решительным выражением человека, знающего, что ему делать и куда идти.

Очень важно было бы объяснить русскому обществу, что его правительству не только не удастся, но что это правительство даже не стремится к тому, чего очевидно желает русское общество относительно Финляндии, т. е. я думаю, что оно желает приближения, совместной доверчивости, приятельства.

Если вам, Лев Николаевич, и не придется высказаться отдельно о финляндском вопросе, то приведите непременно поступки русского правительства в Финляндии в пример тому, как это правительство способно портить и травить, и во имя будто бы единства русской империи разъединять от русского элемента народы, уже привыкающие жить с русскими по-соседски. Если дело единения этих народов с русскими дано в руки правительства, то оно дано совершенно в неверные руки. Правительство — это враг настоящего единства между русскими и чужими народами, а значит, и враг русской нации. Ничто так не доказывает это, как финляндский вопрос.

Писал я это по просьбе людей той партии, которая для меня более всех других симпатична. Но не могу не признаться, что я чувствую, что гляжу тут на это дело не совсем своими глазами и напрасно распространяюсь о вещах, которые вам давно известны. Если я посмотрю на вопрос этот своими глазами, то мне собственно нечего у вас спрашивать, потому что чувствую и знаю, как вы думаете. Так и я думаю. Но они спрашивают не мое мнение, а ваше, желая, чтобы вы публично затронули те стороны дела, которые тут упомянуты, и зная, что ваше слово имеет огромное влияние на русское общество.

Если вам для этой просьбы понадобятся сведения для материала, то я могу прислать нужное. <.. >

Ольга Константиновна писала, что вам надо было достать "Спелые колосья", изданные Кудрявцем. Эта книжка у нас есть. Но пошлю, только когда узнаю, нужна ли она еще вам. Она мне очень дорога.

Нынче я пишу о царстве Божьем и в особенности о том, что старые религии указывают на разные, не имеющие с этим миром ничего общего, дела, как на путь спасения (причастие, веру, аскетичное причинение страданий самому себе и прочее), между тем, как христианская истинная религия считает единственным спасением расширение любви к этому видимому миру и его будущности. Так что, например, отказ от воинской повинности, вызванной любовью, составляет в то

же время и самое нужное дело для временного счастья мира, и спасение в вечность для отдельного человека. Мне всё кажется, что стоит только людям, в особенности крестьянам, понять именно то, что дела, ведущие в личное спасение, те же самые, которые разумом признаются нужнейшими для счастья мира, — и все человечество разом двинется вперед.

Желаю вам, дорогой Лев Николаевич, всего лучшего и прошу передать мой сердечный привет Софье Андреевне и вашим детям, которые около вас.

Любящий вас Арвид Эрнефельт.

21. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Виркбю, 11 мая 1905 г.

Дорогой Лев Николаевич!

Очень благодарю за ваши последние писания и за телеграмму американской газете, также еще и за слова редактору "Биржевых ведомостей" или кому-то такому. Я, признаюсь, начинал несколько запутываться, желая найти сходство хоть бы с какими-нибудь людьми моего круга. Это очень сильное желание повело к каким-то уступкам в мыслях, и я сам, не замечая причины, сильно пострадал от этого. Но теперь ваши краткие слова, как не раз прежде, опять навели на настоящий путь мыслей. Ваша верность нам великий утешитель и дает опять то дорогое чувство, что наше понимание жизни — тихое, детское, не отходящее от Отца.

Любящий вас Арвид Эрнефельт.

22. ТОЛСТОЙ — ЯРНЕФЕЛЬТУ

1906. Сентября 25. Я[сная] [Поляна]

Большая к вам просьба, милый Арвид. Прежде всего то, чтобы никто не знал того, что я пишу вам. — Просьба вот в чем: Бирюков сказал мне¹⁹, что, по словам Кони²⁰, может случиться, что премию Нобеля присудят мне. Если бы это случилось, мне было бы очень неприятно отказываться, и поэтому я очень прошу вас, если у вас есть — как я думаю — какие-либо связи в Швеции, постараться сделать так, чтобы мне не присуждали этой премии. Может быть, вы знаете кого-либо из членов, может быть, можете написать председателю, прося его не разглашать этого, чтобы этого не делали.

Конечно, я бы сам мог, узнав его адрес, написать председателю с просьбой держать это в секрете, но мне неудобно вперед отказываться от того, чего, может быть, они и не думают назначать мне. От этого очень прошу вас сделать, что вы можете, к тому, чтобы они не назначили мне премии и не ставили меня в очень неприятное мне положение — отказываться от нее.

Имею очень не подробные сведения о вас через Наживина. Желал бы иметь более подробные о внешних условиях вашей жизни. О внутреннем же мире вашем сужу по своему: всё большая и большая ясность и радость.

Любящий вас Лев Толстой.

23. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Почтовый штамп на конверте: Тула 4 октября 1906 г.

Сегодня я передал знакомому писателю доктору Сёдерман[у] в Шт<окгольм> содержание вашего письма с просьбой, чтобы он узнал о настоящем деле и, если оно так, передал бы содержание это кому следует, прося не разглашать. Я думаю, так хорошо. А то я не нашел никакой возможности действовать, никому не сообщая, как вы хотели, о том, что вы писали мне.

Очень сожалею, что сейчас не могу ответить обстоятельно на ваш вопрос о внешних условиях нашей жизни. Но с радостью напишу об этом после.

Любящий вас Арвид Е.

24. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Виркбю. Финляндия. 7 марта 1908 г.

Дорогой Лев Николаевич!

Меня просят передать вам это печатанное письмо и еще от себя просить, чтобы вы написали им о ваших впечатлениях относительно финляндских дел.

Не могу от себя не прибавить, что, по-моему, в Финляндии во всех отношениях теперь осуществляется именно то, о чем вы всегда говорили, что никакие парламенты ничего не значат, раз источники пропитания войсками, т. е. народом, уже удерживаются в частной собственности властителей.

Я завтра в Гельсингфорсе читаю лекцию рабочим о том, нужна ли религия для исправления общественной жизни. Рабочие очень охотно слушают и все требуют меня в город говорить им, а вот эти "veilleur"²¹ знать не знают.

Однако надо кончить, чтобы не испортить вместо того, что соединиться с их просьбою.

Дорогой Лев Николаевич, извините мне, что я так долго не пишу вам, но жизнь у меня была все это время трудная, а любовь к вам не давала жаловаться.

Ваш Арвид Эрнефельт.

25. ТОЛСТОЙ — ЯРНЕФЕЛЬТУ

1908 г. Февраля 28. Я[сна] [Поляна]

Очень рад был получить ваше письмо, милый Арвид, хотя и грустно было узнать, что вам тяжело было. Будем крепиться, милый друг: для христианина не может быть ничего дурного, кроме того, что в нем самом. А то, что в нем самом, в его власти.

Что же касается письма ваших журналистов, то я никак не могу исполнить их желания, т[ак] к[ак] не знаю и не могу знать никакой Финляндии, так же как не знаю и не могу знать России. Знаю я людей, живущих в разных местах земного шара, более или менее близких мне никак не п[отому], что они, по странному заблуждению, считают себя подданными такого или иного правительства и привыкли говорить на том или ином языке, а потому, насколько мы соединены с ними одним и тем же пониманием жизни и взаимной любовью, вытекающей из такого понимания.

Нет никакого условия жизни, при котором люди — добрые люди — могли бы совершать такие ужасные преступления, как те, которые совершаются во имя патриотизма. Понимаю я, что угнетенные народности, как польская, финляндская, могут особенно легко поддаваться этому страшному искушению, но все-таки не могу без жалости думать о людях, которые поддаются ему. Вот все, что могу сказать им²².

Прощайте, милый друг Арвид, пожалуйста почаще пишите мне. Очень рад буду иметь общение с вами, потому что душевно люблю вас.

Лев Толстой.

26. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Виркбю. Финляндия. 4 сентября 1908 г.

Дорогой Лев Николаевич!

Сегодня я написал в газету, просившую у меня статью по поводу вашего 80-летия, так:

"Существует понимание жизни, по которому мир — долина скорби, от которой надо отвернуться. Есть только спасение для отдельной личности в загробной жизни. Средство к этому спасению — смирение перед светским и духовным начальством и предлагаемый церковью путь к блаженству.

Существует также государственное жизнепонимание, по которому мир может сохранить свой, указанный Богом раз навсегда порядок, только если правительство достаточно сильно в смысле поддержания этого смирения подданных. Средством же силы являются войска, полиция, тюрьмы, к чему запреты религии относительно насилия не применимы.

Существует жизнепонимание либералов, по которому мир должен не только сохранять исторический строй общества, но и совершенствоваться. Средством этого совершенствования является устранение существующих правителей и замещение их либералами, которые дадут ход историческому развитию общественной жизни на конституционных началах, сохраняемых войсками, полицией и тюрьмами.

Нетерпимым будет только неверие в закон и конституцию, а все прочее неверие будет терпимо.

Есть еще революционное или социалистическое жизнепонимание, по которому мир может улучшиться не посредством исторического развития капиталистического строя общества, а посредством введения вымышленного, противоположного первому социалистического строя, при котором всеми средствами производства должно заведовать государство. Способом достижения этого переворота является право общего голосования и захвата власти в руки социалистических партий, а способом сохранения нового порядка является милиция и полиция, и неверие и неповиновение такому государству карается исключением из общества людей, то есть, так как все производство в руках государства, голодной смертью. Религия же — дело частное.

Есть, наконец, анархическое жизнепонимание, по которому главное зло происходит от государственного насилия, т. е. от войск, полиции и тюрем и от смирения отдельных лиц пред этим насилием. Поэтому мир может улучшиться только уничтожением всякого правительства. А средством этого уничтожения являются разрывы бомбами, убийства, совершенные не по команде, а по воле отдельных людей. Религия же — бред человеческого мозга.

По жизнепониманию Толстого мир совершенствуется, только когда отдельная личность считает отказ от властвования, а также и от повиновения властям условием улучшения не только мира, но и своей собственной личности.

В этом понимании — цель и средства достижения ее совпадают. Потому что следование церковному пути блаженства, служение в войсках, в полиции, тюремщиком, участие в борьбе партий о власти, бомбы — все это такие попытки улучшения мира, которые препятствуют расширению божественной любви человека к миру, т. е. к людям, несмотря на различие их веры, национальности, родства, товарищества, ступени развития. Но отказ от всех этих насилий самым несомненным образом улучшает мир, в то же время открывает для отдельного человека возможность божественной любви к миру, и тем возвышает его в область вечной жизни.

И именно потому, что цель и средства, т. е. благо всех и совершенствование отдельного тут совпадают — само это жизнепонимание является религией.

Живущий между нами Толстой подобен башне, вышину которой мы не видим потому, что стена ее поднимается у самых ног наших и мы принимаем ее за стену сарая. А отойдут грядущие поколения и увидят вершину, царящую над миром".

Прошу передать мой сердечный привет Софье Андреевне, Чертковым и всем другим дорогим друзьям, находящимся в это время около вас.

По-прежнему каждый день вспоминаю вас и люблю вас.

Арвид Эрнефельт.

27. ТОЛСТОЙ — ЯРНЕФЕЛЬТУ

Ясная Поляна. 25 авг. 1908

Статья ваша, милый Арвид, прекрасна, и хорошо было бы напечатать ее в русской газете. Рад всегда общению с вами, потому что люблю и помню вас. Прошу передать мою любовь и память О.К. Клодт.

Об одном жалею, что мало знаю про вас, про вашу и внешнюю и, главное, внутреннюю жизнь.

Любящий вас Л. Толстой.

28. ТОЛСТОЙ — ЯРНЕФЕЛЬТУ

1910г. Марта 22. Я[сная] [П]оляна]

Я и разочарован и огорчен, милый Арвид Александрович, что вы не приехали к нам нынче. Если возможно, пожалуйста, пожалуйста, приезжайте к нам хоть на часок. Очень хотелось бы еще повидаться с вами. Под "вами" само собой разумею и ваших детей.

Л. Толстой.

29. ЯРНЕФЕЛЬТ — ТОЛСТОМУ

Виркю, Финляндия. 9 (н. с.) сентября 1910г.

Дорогой Лев Николаевич.

Радуюсь, что имею к вам дело. Перевожу письмо, полученное мною из Дании от усердного деятеля Генри Джорджского движения²³, господина Софус Бертельсена (Sophus Berthelsen)

"Г. Арвид Эрнефельт!

Когда я, за несколько недель, на конгрессе свободы торговли в Антверпене встретил единомышленников Генри Джорджа разных стран, между нами возникла мысль о возможности созвония в 1911 или 1912 годах в Лондоне мирового собрания для друзей нашего дела реформы. Друг наш американский, Joseph Tells, заявил тогда, что он написал письмо Льву Толстому и просил его составить от своего имени приглашение всем наро-

дам участвовать на таком конгрессе. Мы были все убеждены в том, что дело наше сильно двинулось бы вперед во всех странах, если наш дорогой друг в России — Лев Толстой — и никто другой написал бы такое письмо.

И я теперь обращаюсь к вам с просьбой, чтобы вы, если считаете это верным, попытались склонить его к этому для всего человечества важному поступку.

Все народы слушают, что говорит Лев Толстой, мировая пресса распространяет его мысли по всем домам культурных стран, и сильное впечатление имело бы известие о том, что Лев Толстой приглашителем на конгресс принимает такое явное участие в этом деле.

Подумайте об этом, добрый единомышленник, и поступите, как вам покажется вернее всего.

С сердечным поклоном, преданный вам Софус Бертельсен".

Этот г. Бертельсен состоит главным редактором чисто генриджорджской газеты Rat (т. е. право, Gerechtigkeit). Считаю ненужным от себя чего-нибудь прибавить к этому хорошему письму. Вы во всяком случае поступите по-своему, независимо от внушений.

Дорогой Лев Николаевич! сердечно благодарю вас и Софью Андреевну за пребывание мое и моих детей, Эро и Лизы, весной в Ясной Поляне²⁴. Вы были нездоровы и все-таки вышли и говорили с нами, а Софья Андреевна устроила вегетарианский обед. Потом мы приехали еще на следующий вечер и все пользовались вашим любезным гостеприимством. Сердечно, сердечно благодарим!

Мне жизнь становится легче, искренне молю Бога, чтобы и вам так было!

Любящий вас Арвид Эрнефельт.

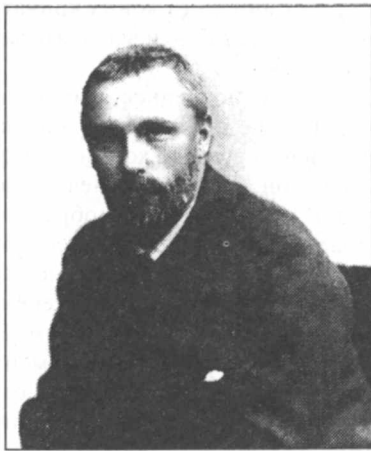
(На конверте пометка Толстого: "Важное, подумать".)

Арвид ЯРНЕФЕЛЬТ

ИЗ "ДНЕВНИКА О МОЕЙ ПОЕЗДКЕ ПО РОССИИ" (1899)

С Львом Толстым я уже веду переписку, но лично с ним никогда не встречался. Как-то в письме я высказал желание приехать для встречи в Москву. Он ответил, что охотно увиделся бы со мной, но что ради этого я напрасно потрачу время и деньги, а на все мои вопросы обещал подробно ответить в письмах. Он написал также, что, если в нашей встрече будет необходимость, мы встретимся и без того, чтобы ехать специально.

Ожидая теперь в комнате у них в доме, я думал про себя, сколь шатки были причины моей поездки, сколько я потратил времени и денег и как далек я был, таким образом, от той жизни, которая является моим идеалом: заботиться не об удовлетворении личных желаний, а делать свое определенное дело. Поэтому на душе у меня не

было того чувства легкости и непосредственности, которого мне хотелось именно теперь.

Лев Толстой наконец показался в дверях кабинета. Он был одет в простую рубашу с поясом, как его

изображают на бесчисленных портретах. Черты лица тоже были похожи, но на фотографиях они лишены необычайной живости, какую я заметил теперь. Загорелая, обветренная кожа и длинная седая борода придают ему действительно крестьянский облик, что подчеркивается и одеждой. Всмотревшись, однако, ближе, все яснее обнаруживаешь, что все это свойственно именно ему, что его собственная жизнь сделала его таким, какой он есть. Небольшие серовато-голубые глаза придают его чертам большую мягкость, чем на фотографиях. Похоже, в последнее время он заметно постарел и в ту минуту выглядел несколько усталым, — возможно, по причинам случайного характера. В глазах глупина и печаль; взгляд бесхитрый, почти детский — он проника-

ет в самое сердце, внушая чувство взаимопонимания, отчего исчезает всякая робость.

Он так ласково взял меня за руку, что на душе у меня посветлело. Долго смотрел он мне в глаза, потом улыбнулся и сказал:

— Так вот вы какой!

— Да, такой, — ответил я и засмеялся.

Он собрался идти вниз завтракать и, остановившись теперь с нами, расспрашивал о нашей поездке в Крым²⁵, полагая, что кто-то из нас болен. Когда же я объяснил, что всего лишь сопровождал моего брата, у которого было желание писать с натуры волны Черного моря, Толстой в шутку заметил:

— А это тоже своего рода болезнь.

И тут же переменял тему разговора:

— Финляндские условия действительно своеобразны, и я благодарен вам, что вы заранее написали мне о них, — я успел поразмыслить над ними.

Я выразил свою радость по поводу того, что многие финны, как только наступил кризис в наших делах, сразу же подумали: что скажет обо всем этом Толстой?

Когда мы спустились вниз, он попридержал меня за рукав и сказал:

— В главном мы, конечно, единого мнения, например, что касается патриотизма, — ведь у нас общая исходная точка; но очевидно и то, что тут вопрос не только в патриотизме, но в чем-то совершенно особом.

Мы вошли в столовую, и меня представили графине и другим членам семьи. За завтраком разговор зашел об одном нашем общем знакомом. Толстой сказал, что чувствует себя сильно виноватым перед ним, поскольку оставил без ответа его письмо. На это графиня заметила: "Когда ежедневно приходит по тридцать писем, неудивительно и не ответить, — иначе, кроме пере-

писки, и времени больше ни на что не останется". Это было сказано тоном горячего оправдания, почти с обидой. В словах графини я почувствовал одну из главных ее забот: ограждать мужа от потока корреспонденции и посетителей, потока, который каждую минуту угрожает затопить его, лишит всякого отдыха. Все те препятствия, на которые наталкиваются искатели личных встреч, исходят от графини. Во время пребывания семьи в Москве прием ограничен 8-9 часами вечера.

И когда Толстой принялся теперь рассказывать о содержании своего романа²⁶, графиня искусно пыталась отвлечь его от этой темы и направить нашу беседу по иному руслу. К счастью, я все-таки успел услышать о многом. В разговоре о художниках и книге "Что такое искусство" Толстой между прочим сказал, что старался найти такое определение цели искусства, которое было бы всеобщим и объединяло все разные направления; однако люди, сказал он, запутались в своих оценках и не хотят ничего понять; они лишь без конца кричат: красота, красота! — и все опять запутывается.

В самое последнее время он принялся за совершенно новую главу своего романа, хотя из этого, добавил он, "ничего, конечно, не выйдет". Ему хочется изобразить человека, пробудившегося для истинного понимания жизни, но затем, незаметно для себя, постепенно поддающегося искушениям. В каждый отдельно взятый момент речь идет о совсем пустяжных отступлениях от пути правды: он не может не соблюдать обряда венчания, хотя считает это ложью; он не может не креститься в определенных обстоятельствах, не может воздержаться от присяги при вступлении в должность и т. д. В итоге, незаметно для себя и против своей воли, этот человек все больше ока-

зывается в путях лжи. Но вдруг он сам замечает это. Теперь все предстает ему огромным заблуждением, наступает полное отчаяние, никакого выхода уже не видно. Толстой говорил об этом с жаром, словно непоправимая ошибка случилась с его самым дорогим другом, и глаза его увлажнились.

В тот раз ни о чем больше не говорили, а к шести часам вечера меня пригласили обедать.

Я явился немного раньше назначенного часа и сразу поднялся наверх.

Здесь я застал сына Толстого, Андрея, который совсем недавно достиг совершеннолетия и женился на Ольге Дитерихс, сестре жены известного толстовца Владимира Черткова. Андрей Толстой чрезвычайно симпатичный молодой человек, еще не вполне расставшийся с отроческими забавами. Он дурачился с моим другом Ге²⁷, боролся с ним, отчего стулья и столы едва удерживались на своих местах. Он только что снял копию с моего письма, отправленного перед этим Толстому, и теперь ее предстояло размножить на станке, но это занятие многократно прерывалось мальчишеской возней. Признаться, мне такое отступление от правил гостеприимства очень понравилось. А позже, когда к сыну подошел сам старец и опустил ему на плечо руку, тот принялся возиться и с ним и все шутил: "Зачем ты всегда приходишь драться со мной!"

Упомянутое мое письмо²⁸ содержало краткий обзор финляндских условий в прошлом и настоящем, а также пояснение относительно наших злободневных вопросов.

Зная о его неприятии ультрапатриотизма, понимая и разделяя его взгляды на сей счет, я стремился в своем письме показать отличие патриотизма от того "тулонско-кронштадтского" патриотизма, который он обличал с такой суровостью. Я

пытался разъяснить, что наш патриотизм обращен больше вовнутрь и развивался в безусловном единстве с чисто демократическими идеями. С этой целью я обрисовал наше национальное пробуждение, начатое Снельманом²⁹, — обрисовал примерно в тех же красках и в том же духе, как это сделано в одном из моих романов³⁰. Главным для меня было подчеркнуть, что пробуждение это пронизывалось одной идеей: образованный класс должен объединиться с народом, слиться с ним! В результате усилий образованного класса осуществить эту идею и возникло у нас все то, что мы теперь имеем. Возникли национальная литература, школы, театр, возникла осознанная финская мысль, осознанное предвидение будущего. Во всем народе пробудилась новая жажда жизни, открылись новые, неведомые прежде горизонты. И все это появилось не вследствие стремления к национальному величию, но исключительно потому, что была ясно выражена и с восторгом воспринята идея братства.

Затем я описал также период реакции, когда внимание переключилось в сферу практическую, когда создаются крупные банки и акционерные компании, когда люди рвутся в правительство, борются в партиях. И хотя можно сказать, что в течение этого времени финский элемент как бы наполнял своим живым содержанием те сравнительно свободные государственные формы, которые были сохранены для него шведской культурой, и таким образом все прогрессировал в своем внешнем развитии, однако нельзя не видеть реакции во внутреннем, духовном развитии.

Посреди этого быстрого, беспримерного в наших условиях материального преуспеяния, с одной стороны, и духовного застоя, с другой, на нас обратила внимание Россия. Я рассказывал, как во время

известного манифеста о разоружении у нас в Финляндии появился манифест об увеличении войска³¹. Я изложил характер наших основных законов, нашей конституции, а также те ее положения, которые касаются порядка принятия и обнародования новых законов. Я напомнил, как отнесся наш сейм к закону о всеобщей воинской повинности, когда его, в качестве всемирнейшего проекта, представили финскому народу, и что, судя по всему, сейм должен отклонить новые законопроекты, согласно которым численность войска увеличивается в четыре раза, ассигнования на его содержание составят десятки миллионов, а часть личного состава будет распределена по русским полкам, за пределами Финляндии. Я изложил также содержание манифеста от 15 февраля, сам вначале опасаясь, что охарактеризовал его смысл в слишком пессимистических тонах, хотя теперь нахожу совершенно правильными мои слова о том, что по всем важным делам от сейма, согласно манифесту, будут испрашиваться только компетентные консультации, когда это потребуется России для уяснения специфичности наших условий; участие же в законодательстве отныне ограничивается только такими вопросами, как, например, мелиорация земель, строительство оград, рыболовство, охота, пастьба лошадей на общих выгонах и т. д.

В целях разъяснения наших условий я упомянул еще о следующем. Во-первых, в разгар политической сумятицы у нас вспыхнул "рабочий вопрос". Городское население, особенно фабрично-заводские рабочие, потребовали политического признания, права участия в выборах и быть избранными; распространение получили социалистические теории о капитале. Движение это тоже предполагает уравнение разных общественных клас-

сов, с той, однако, разницей, что теперь речь идет о борьбе между этими классами, о принуждении и победе; теперь всплыли взаимные обиды, тогда как прежде вопрос стоял о добровольном слиянии, причем эта идея возникла именно в образованном классе.

Во-вторых, среди сельского населения, наиболее бедствующей его части, совершенно неожиданно распространился упорный слух, что с введением в Финляндии русских законов и учреждений каждый безземельный получит землю для обработки, а посему, с точки зрения этой части населения, введение таких законов и учреждений в Финляндии является якобы желательным.

И в-третьих, в обществе энергично утверждалась мысль о необходимости приложить все силы для просвещения народа и решительно действовать в таком направлении, словно это единственный путь к спасению.

Помимо этих сведений, я стремился теперь в беседе с Львом Толстым дополнить их детальными пояснениями и рассказами, которые он слушал с вниманием.

Время от времени он вновь возвращался к финляндским делам, говорил и расспрашивал о них. Для него, сказал он, было ясно, что в данном случае речь идет не о патриотизме, то есть что в Финляндии живут прежде всего люди, а не "финны". Между прочим, он рассказал, что незадолго до этого его посетил один норвежец. "О чем только он не говорит — о каком-то торговом соглашении или еще о чем-то, благодаря чему народ Норвегии якобы станет великим и богатым. Как грустно видеть молодого человека во власти такого заблуждения!" Толстой выразил это не столько словами, сколько интонациями, жестами, мимикой, и перед нами предстал совершенно живой норвежский патриот, с вопро-

сом о государственном флаге и национальной гордостью. Такого патриотизма в Финляндии, кажется, не было. В Финляндии речь шла о том, чтобы отстоять свет и свободу, а их человек не только вправе, но и должен защищать, и не для себя одного, но и для других. Он пояснил это следующим сравнением. "В темном подвале находится группа людей: из окна наверху проникает лишь немного света, и ближе всех к этому окну сидит один из них. И если он замечает теперь, что снаружи кто-то хочет забить окно досками, чтобы оставить его во мраке, и если он намерен защитить себя, то на его стороне будет тем большее нравственное право и основание на такую самозащиту, поскольку от этого зависит также свет для всех остальных в подвале".

— Каким же образом, по мнению безземельных финских крестьян, Россия даст им землю? — спросил через некоторое время Толстой.

— Они, видимо, полагают, что русское правительство вообще благоволит беднейшему люду, что оно демократично и возьмет в этих целях землю у богатых и передаст ее беднякам, — ответил я.

Никогда раньше я не мог представить себе Льва Толстого с выражением презрения и иронии, но теперь на его лице промелькнуло именно это чувство, и оно было красноречивей всяких слов; неожиданно перед моими глазами вновь возникли тот мужик с клячей, потерявшей интерес к жизни, и та крестьянка, которая носила воду дырявыми ведрами³².

Он начал подробно расспрашивать о наших сельских делах, в осо-

бенности о поземельных отношениях, справлялся о среднем размере хозяйств, об отношении крупных землевладельцев к мелким, о соотношении возделываемых земель и неиспользуемых, но пригодных для обработки, о количестве безземельных крестьян.

Я охотнее поговорил бы с ним о наших больших культурных устремлениях, но он постоянно направлял беседу на наши аграрные условия. И хотя он не сказал об этом вслух, но мне почему-то казалось, что про себя он думал о том, что наш внутренний патриотизм или идея братства, которая теперь пробудилась вновь, должны получить именно это направление, где нас ожидает возможность пойти на действительные жертвы и отказаться от привилегий.

Эйно ЛЕЙНО

НА СМЕРТЬ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Львиное сердце России остановилось. Если бы мы были вправе утверждать, что и дух умирает вместе с плотью, мы должны были бы сказать: мир потерял одного из величайших своих писателей, современная наша эпоха лишилась мощного источника духовной энергии, чей лучезарный свет проникал в самые дальние пространства.

Однако известие о кончине такого человека, который сам был убежден, что жизнь — лишь дурной сон, а смерть — пробуждение из сна для перехода в вечность, едва ли можно выразить обыденными словами об уходе в мир иной. Мо-

жет, свет вовсе и не погас. Может, рассветает день.

Каждый пользуется теми словами, которые естественны для его непонимания. Мы, люди европейской цивилизации, говорим: стихло великое сердце России, угасла ярчайшая звезда славянского мира, всех славянских народов, сиявшая над целым мирозданием.

Но гений Толстого — художника, мыслителя, человека — не отойдет в небытие, он будет светить, подобно тому как свет угасшей звезды продолжает еще долго озарять Вселенную. И все-таки су-

мрачнее стало время, ступилась ночь над Россией.

Как все великие люди и величайшие из них, Толстой был гражданином мира. Человечество и человечность — его отечество, а национальность даже вроде бы мешает братству людей. И вместе с тем Толстой для нас — высшее проявление славянского духа, благороднейшее и убедительнейшее по своей мощи воплощение русской народной души. В этом отношении он сродни Гете или Ибсену, они тоже — граждане мира, и одновременно каждый выражает дух своей нации, немецкой и норвежской.

Ведь чем выше у дерева крона, тем глубже корни. Все реки текут в море, все национальное стремится к общечеловеческому.

На первый взгляд может показаться, что Толстой был прямой противоположностью современной России. Ведь он находился в оппозиции к ее властям, официальной религии, морали, общественному строю, ко всем порядкам и условиям, даже ко многим глубинным свойствам славянского характера, так или иначе породившим ту реальность, которая его окружала. От неприятия частностей он приходил ко все более широкому и обобщенному неприятию всей господствующей в современном мире государственной идеи, религии, морали, общественной системы, всего того, что принято называть "развитием", "прогрессом", "культурой", "достижениями человеческого разума" и т. д.

Однако и сам Толстой был продуктом окружающих условий. Лев Толстой как явление мог родиться только в нашу эпоху и только в России, среди русского народа, — вне этой зависимости понять и объяснить его невозможно.

Более того, как бы сурово Толстой ни осуждал современное государство и общественный строй, он сам был взращен ими как прекрасный зрелый плод, как изящный художественный шедевр, для рождения которого непременно необходимо было мощное государство, именуемое Россией, а в государстве — царь и более ста миллионов крестьян, золоченые храмы и жалкие хижинки, роскошные дворянские усадьбы и грязные деревни с крепостными рабами, князья, гра-

фы, бояре, резвые тройки и цыганские хоры, крестьянские девушки-плясуньи, офицеры и солдаты, министры, губернаторы, исправники, жандармы, канцелярии и магазины, освещенные улицы городов, высокие многоэтажные здания, театры,

Финский писатель Маритти Ларни и переводчик финской литературы Владимир Богачев в окрестностях Ясной Поляны

концертные залы, университеты, наука, искусство, литература. Толстой родился на вершине русского общества, являясь отпрыском древнего дворянского рода, близкого ко двору. Все двери были распахнуты пред ним, все те привилегии, материальные и духовные, ради которых люди отчаянно борются, гиб-

нут и губят других, были доступны ему с пеленок, их словно на золотом подносе преподнесли ему уже в момент появления его в этот мир. Предки многих поколений его родословной — графы и не графы — принимали участие в его рождении. Сегодняшние его последователи-толстовцы, наверное, сочтут за святотатство напоминание о том, что ведь Толстой был от рождения солнечным дитя-счастливчиком именно праздничной России, того благополучного русского общества, чьи будни и теневые стороны повергли его потом в ужас. Дерево жизни предстало поначалу перед ним своей зеленеющей кроной, а не грубым комлем, еще не пришла пора докопаться до самых корней. Родись он в других условиях, ему, может, всю жизнь пришлось бы распахивать сохой русское поле, тогда как суждено ему было мощным плугом своего духа перепахать мир мыслей и чувств целого человечества. Родись он в иной среде, может, и впрямь исполнилось бы его желание умереть странником посреди русских степей и снегов вместо того, чтобы скончаться

на виду у всего образованного мира — в окружении множества докторов и скорбящих родственников, с удобствами и неудобствами его домашнего быта, под бдительным оком жандармов, губернаторов, министров, отцов церкви, вплоть до Священного Синода.

Но разве не хотел он сам раз и навсегда избавиться от всего этого? Хотел, вне всякого сомнения, и это делает ему как личности великую честь, не столь уж часто ныне встречающуюся. Однако же, инди-

видуальную волю — лишь малая частица мировой воли. Ведь Толстой — дитя сегодняшней России, хотя и в высшем проявлении. Потому-то она даже мертвого держит в своих руках железной хваткой. Или вы полагаете, что министерства просто так, ни с того ни с сего, устраивали бы экстренные заседания? Или понапрасну летели бы телеграммы, приезжали бы епископы и архиепископы, держали бы наготове свое войско губернаторы и зашевелилась бы, словно потревоженный муравейник, вся православная официальная Россия?

Все они инстинктивно чувствуют, что Лев Толстой — отнюдь не какое-то случайное и второстепенное явление, а часть их самих в той мере, в какой в них есть нечто общее с русской народной душой, с глубинной ее сущностью, в мучениях порывающейся к свету, свободе, гуманизму.

На свой собственный лад Лев Толстой прошел через те же ступени внешнего и внутреннего развития, которые характерны для многих современных русских людей. Он граф, с раннего детства его пестовали немецкие и французские гувернеры, он проучился в университете, служил офицером и был на войне, жил привольной и беззаботной жизнью барина-помещика.

И он же стал писателем, одним из талантливейших в мире, интересовался западной реформистской мыслью, восточной философией. Он — проповедник, апостол, создатель собственного вероучения, у которого много приверженцев повсюду в мире, особенно в англосакском. Шаг за шагом Толстой избавлялся, или по меньшей мере стремился избавиться, от сословных привилегий, чтобы стать земледельцем, простым крестьянином или ремесленником, а под конец избрать путь странника. Чем выше духовное развитие — тем глубже проникновение в суть: верх и низ меняются местами.

Масштаб личности Толстого, внешняя и внутренняя многоуровневость его мира вобрали в себя всю Россию. И он навеки останется в памяти ее народа героем из легенды, наравне с Петром Великим — тот в земных делах, Толстой в духовных. Мировая литература приняла его как достойнейшего и благороднейшего представителя славянского мира.

Вот почему столь опасен Толстой для сегодняшних правителей России. И почему бы не добавить к этому, что он опасен и для всей мировой государственной системы.

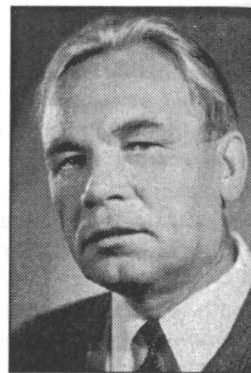
Толстой и мертвый сражается. Вновь и вновь воспринимает через века его образ, чтобы будить людскую совесть, проповедовать более высокую, более разумную, более личностно-обязывающую человеческую мораль, противостоять войнам, утверждать мир и взаимную любовь на земле.

Каждый может позаимствовать от него свое: христианин — христианское смирение; сверхчеловек — веру в сильную личность; реформатор-утопист — устремленную в бесконечную даль мечту о совершенном мире; прекраснодушный эстет — наслаждение высоким искусством.

Ветви огромного дуба направлены в разные стороны. Свое возмущение от Толстого и русский крестьянин, и русский аристократ, и западный денежный мешок. Злодею-насилинику приглянется учение о непротивлении злу насилием; правдоискателю — запрет делать то, что считает злом и против чего восстает его совесть.

Мы, финны, тоже можем позаимствовать от него свое: стойко сопротивляться гнету, в какой бы форме гнет нам ни угрожал.

Газ. "Хельсингин Саномат",
22. XI. 1910 г.

*Эйно Генрихович Карху
родился в 1923 году
в Ленинградской области.
Доктор филологических наук.
Автор многих книг
и статей по истории
финской литературы,
финско-русским
литературным связям,
фольклору
и литературе Карелии.
Член Союза
писателей России.
Лауреат
Государственной премии
Карельской АССР.
Живет в Петрозаводске.*

*Большую техническую
помощь любезно оказали мне
Н. Авдышева и Н. Чикина.
Выражаю им мою глубокую
признательность.*

*Фотографии из архива
Общества финской
литературы в Хельсинки
и других фондов.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На русском языке книга Ярнефельта вышла лишь четверть века спустя, на что были свои причины. Рукопись полного перевода книги Ярнефельта послал Толстому весной 1895 года, ее читали с интересом в Ясной Поляне, но, как следует из последующей переписки, у Толстого были сомнения в возможности ее издания по цензурным условиям. Произведения самого Толстого и "толстовцев" тогда либо вовсе запрещались, либо печатались с купюрами. (Роман "Воскресение" в финском переводе Ярнефельта тоже вышел в Финляндии в 1900 году с купюрами по распоряжению генерал-губернатора Бобривова). Рукопись русского перевода книги Ярнефельта хранилась у В.Г. Черткова, ближайшего помощника и доверенного лица Толстого, занимавшегося изданием книг в России и за рубежом (в Лондоне он издал в 1900 году сборник материалов "Финляндский разгром"). Чертков был в 1897 году арестован и выслан из России, все его бумаги с рукописью Ярнефельта оказались в департаменте полиции, где пролежали двадцать лет. Книга вышла под названием: А. Эрнефельт. Мое пробуждение (Исповедь). Перевод с финского матери писателя Ел[изаветы] Конст[антиновны] Эрнефельт, урожд[енной] Клодт. Приложения: Письма Л.Н. Толстого к А.А. Эрнефельту [9 писем] и вступит. статья К. С. Шохор-Троцкого. М., 1921. Книгу издали "Общество истинной свободы в память Л.Н. Толстого" и "Трудовая община-коммуна Трезвая жизнь". В начале века на русском языке вышли произведения Ярнефельта: повесть "Три судьбы" (1904), роман "Чада земли" (1908), драма "Тит — разрушитель Иерусалима" (1910).

² Полемика вокруг книги Ярнефельта и вероучения Толстого в Финляндии выявила противоположные социальные акценты в понимании христианства. Крайне правые критики (А. Меурман, Э.С. Юрьё-Коскинен) утверждали, что христианство вообще не должно касаться земных дел, тем более вопросов власти и собственности, а лишь заботиться о будущей небесной жизни; сказал же Христос: "Царствие мое не от мира сего". Для Толстого и Ярнефельта быть христианином означало стремиться к равенству людей, к социальной справедливости. В письме к О.К. Клодт, родственнице Ярнефельта, Толстой писал в 1898 году: "Не знаю, как вы, но я, чем дольше живу, тем больше убеждаюсь в том, что при положении людей нашего круга на шею наших братьев, всякий неискренний шаг к христианской жизни и к добру состоит в слезании с этой шеи". (ПСС, т. 71, с. 411). Когда Ярнефельта, юриста по образованию, за самовольные и слишком земные проповеди в

хельсинкских церквях привлекли к суду, он записал в дневнике: "Судьи сегодня спросят: что будет с обществом, если позволить хулиганам буйствовать? И вот мой ответ: прежде вы откажитесь от поземельной собственности и накопления капиталов и тогда спросите меня, как изменился мир" (P. Häkli. Arvid Järnefelt ja hänen lähimaaailmansa. Helsinki, 1955, s.488).

³ Машинописный журнал "Архив Льва Николаевича Толстого".

⁴ Толстой имеет в виду предполагаемый уход его из Ясной Поляны. См. ПСС, т. 53, а также в книге Ярнефельта "Мое пробуждение". М. 1921, стр. XX.

⁵ В уже цитированном письме к О.К. Клодт от 20-23 августа 1989 года (она жила тогда в Финляндии у Ярнефельтов) Толстой просил поблагодарить от себя Арвида за его готовность откликнуться на просьбу о содействии. "Мне была нужна его помощь. В эту минуту надобность эта миновала, но мне радостно знать, что есть такой друг, готовый помочь. Мне очень интересно знать, что он пишет" (ПСС, т. 71, с. 411).

⁶ "Воскресение".

⁷ О.К. Клодт.

⁸ "Манифест о конгрессе для всеобщего уменьшения войска" — подразумевается, видимо, обращение русского правительства (от 24 августа 1898 года) к правительствам других стран с предложением созвать конференцию по вопросу о сокращении вооружений (конференция состоялась в Гааге в мае-июле 1899 года, но вопрос решен не был).

⁹ Бирюков П.И., Буланже П.А. — высланные из России толстовцы, с которыми А. Ярнефельт был знаком.

¹⁰ Путевой дневник Ярнефельта о поездке по России и посещении Толстого вышел в 1899 году на финском языке под названием: A. Järnefelt. Paivakirja matkalta Venäjällä. Helsinki. 1899.

¹¹ Толстой и Ярнефельт были оба увлечены аграрной теорией американского экономиста Генри Джорджа, предполагавшей введение единого налога на землю в целях равномерного ее перераспределения. Об этой теории они беседовали еще при первой встрече в апреле 1899 года в Москве.

¹² Ольга Константиновна Толстая — жена Андрея Львовича Толстого, сына Льва Николаевича.

¹³ Речь идет о переводе романа "Воскресение" на финский язык.

¹⁴ Толстой в письме к О.К. Клодт от 2 августа 1900 года сообщил о своем нездоровье после напряженной работы: "Я сижу дома и все время был занят статьей "Рабство наше-

го времени", которую на днях отослал в Англию. Мне кажется, что мне удалось сказать кое-что новое о тех экономических вопросах, которые так занимают теперь общество и которым посвящена эта статья. Очень буду рад, если она понравится Арвиду и он переведет ее". (ПСС, т. 72, с. 433)

¹⁵ [что вы продолжаете быть стойким.]

¹⁶ О.К.Клодт.

¹⁷ По поводу другой фотографии Ярнефельта, полученной Толстым через О.К. Клодт, он писал ей в письме от 3 октября 1906 г.: "Благодарю вас, милая Ольга Константиновна, за фотографию Арвида. Какое хорошее лицо! Мне — очень симпатичное, как и вся его личность". (ПСС, т. 76, с. 207)

¹⁸ Имеются в виду генерал-губернатор Финляндии П.И. Бобривов и другие царские сановники, причастные к попытке удушения ее конституционной автономии на рубеже XIX-XX веков.

¹⁹ П.И. Бирюков приехал в Ясную Поляну 20 сентября, уехал через три дня.

²⁰ А.Ф. Кони — известный юрист и общественный деятель.

²¹ дбители (франц.)

²² Письмо Толстого было опубликовано в 1908 году в финском журнале "Валвоя" и в русских газетах.

²³ См. примечание 11.

²⁴ Вторая встреча Ярнефельта с Толстым состоялась в Ясной Поляне в марте 1910 года. Ярнефельт и в этот раз был с дочерью Лизой и сыном Эро. Содействовал встрече В.Г. Чертков, в письме к которому Ярнефельт потом рассказал о ней. (ПСС, т. 58, с. 344-346).

²⁵ А. Ярнефельт ездил в Крым и посетил Л.Н. Толстого в Москве вместе со своим братом Эро, художником.

²⁶ Имеется в виду роман Л.Н. Толстого "Воскресение", переведенный А. Ярнефельтом на финский язык.

²⁷ Николай Николаевич Ге (1857-1940). сын художника Н.Н. Ге.

²⁸ Письмо Ярнефельта к Толстому от 7 марта 1899 г. (№ 10).

²⁹ Ю.В. Снельман (1806-1881), финский философ, журналист, политик, главный идеолог финского национального движения.

³⁰ Роман А. Ярнефельта "Отечество" (1893).

³¹ См. об этом в письме № 10 и комментариях к нему.

³² Автор ссылается на описанные им ранее встречи с русскими крестьянами, которых нищета и угнетение довели, на его взгляд, до отчаяния и безразличия.